

Инна Баринская

Детектив
сильных
страстей

Кто там прячется
во мраке?

Детективный триумвират

Инна Бачинская

Кто там прячется во мраке?

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бачинская И. Ю.

Кто там прячется во мраке? / И. Ю. Бачинская — «Эксмо»,
2021 — (Детективный триумвират)

ISBN 978-5-04-158841-0

Зал был полон. Весь городской бомонд собрался на показе новой коллекции в доме моды «Икеара-Региа», предвкушая удивительное по красоте и зрелищности шоу. И маэстро Игорь Нгелу-Икеара в очередной раз не подвел. В его изысканных нарядах на подиуме блистала красавица Снежана. Она недаром демонстрировала свадебное платье – на банкете после показа все поздравляли ее со скорым замужеством и кричали им с женихом «Горько!». Как оказалось, поторопились: тем же вечером Снежану убили прямо в гримерке. При этом пропало драгоценное кольцо – подарок жениха, Руслана Бродского, успешного архитектора. Но оно ли стало причиной преступления? У жестокой, высокомерной девушки было много врагов. Того, кто решился на крайний шаг, намерен вычислить капитан полиции Николай Астахов, а помогают ему верные друзья – редактор Савелий Зотов и философ Федор Алексеев...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-158841-0

© Бачинская И. Ю., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Всем сестрам по серьгам	7
Глава 2. Из дневника отличницы	12
Глава 3. Парад монстров	16
Глава 4. Спасите наши души!	20
Глава 5. Цветник... или рассадник?	24
Глава 6. Подруга	28
Глава 7. Что это было?	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Инна Юрьевна Бачинская

Кто там прячется во мраке?

*У женщины должен быть лунный
характер,
И чтобы в ней вечно сквозила весна,
Манящая с нею кататься на яхте —
Качели солено-зеленого сна...*

Игорь Северянин. «Колыбель женственности»

*Я упал с высокого дерева
И вот теперь
Весь поломанный
Валяюсь на травке
Смеюсь.*

Егор Летов. «Будда»

*Все действующие лица и события романа вымышлены, любое
сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.
Автор*

© Бачинская И.Ю., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Осторожно провернув ключ, человек открыл дверь, шагнул внутрь и замер, прислушиваясь. Все было тихо; слабо горел пульт сигнализации. Человек постоял, привыкая к темноте – через пару минут он стал различать предметы: полированный стенной шкаф с зеркальными створками, тумбу с сине-красной, расписанной драконами китайской вазой, больше похожей на таз, заполненной одуряющей ароматической смесью, растительной трухой из сена и стружек – резкий запах ванили и корицышибанул в нос. У него заслезились глаза и запершило в горле, и он испытал мгновенный приступ ярости, с трудом подавляя желание сбросить таз на пол и растоптать.

Он пошел по коридору, медленно ступая по скрипящему паркету; остановился у двери в спальню; постоял, прислушиваясь. В доме стояла густая, вязкая тишина; запах ванили и корицы здесь ощущался слабее, но проступил явственный душок сандала от индийских свечей, которые здесь жгли каждый вечер. Прикрыв рот, он неслышно кашлянул, избавляясь от неприятного шерстяного комка в горле.

Дверь была приоткрыта; он подошел к ней вплотную и прижался ухом. Ему показалось, он различает дыхание спящего человека. Постояв, словно решаясь, он потянул за ручку и проскользнул внутрь.

Спальня была набита тумбочками с фарфоровыми фигурками детей, котов и собак, перламутровыми картинами с цветущими сакурами и женщинами в кимоно, пуфиками, пушистыми ковриками из искусственного меха и настенными светильниками. Через окно с отдернутой шторой падал слабый свет уличного фонаря, в нем угадывались стенные шкафы до потолка и в центре громадная, как помост, деревянная кровать с высоким резным изголовьем. Закрыв глаза, он мог описать эту комнату в деталях, которые знал наизусть. На прикроватной тумбочке мерцал ночник – бронзовая статуэтка обнаженной женщины с матовым шаром в поднятых руках. На плоской подушке лежала голова женщины – на ее лоснящемся от крема бледном лице выделялись густые черные брови, крупный торчащий нос и узкий рот, напоминавший щель; диссонанс с лицом являли крупные разноцветные бигуди, забранные под сетчатый чепчик; руки ее были сложены на груди. Если бы не легкое похрапывание, можно было бы подумать, что женщина мертва.

В ее ногах лежала на пестрой велюровой подушке роскошная персидская кошка, дымчато-серая, с желтыми глазами. Подергивая ушами, она настороженно уставилась на чужака.

Человек рассматривал лежащую в кровати женщину со смешанным чувством любопытства и злобы. Женщина вдруг открыла глаза, и долгий миг они смотрели друг на друга. Мужчина резко втянул воздух и отступил назад. Женщина, не проснувшись, закрыла глаза, и он перевел дух. На цыпочках подошел к кровати, протянул руку и, придерживая кошку одной рукой, другой вытащил из-под нее подушку. Кошка недовольно зашипела и ударила его лапой. Он выругался сквозь зубы и лизнул царапину. В следующий миг он накрыл лицо спящей подушкой и с силой прижал...

Глава 1. Всем сестрам по серьгам

Одежда делает человека. Голые люди имеют малое или вообще нулевое влияние на общество.

Марк Твен

Девочки уселись кто на диван, кто в кресло; опоздавшая Сандра Сахно примостилась на низком пуфике. Сандра всегда опаздывает, за что получает плюхи от Регины Чумаровой, хозяйки Дома. Если быть точным, то хозяйки наполовину, так как вторая половина бизнеса принадлежит ее деловому партнеру – Игорю Нгелу-Икеара.

Дом моды так и называется «Икеара-Регия», в честь обоих совладельцев. Между ними существует договор: каждый занимается своим делом, уважает суверенитет и держится в рамках при близком общении. Короче говоря, не лезет в дела коллеги своими грязными лапами. Кесарю – кесарево, а каину – каиново, как говорится. Игорю – дизайн, Регине – финансы, цифирь и отчеты, а посередине – жирная красная полоса. Насчет рамок при близком общении... ага, разбежались! До драк, бывает, тоже доходит, когда не хватает слов и выражений. Творческий процесс, как правило, непредсказуем, импульсивен и чреват взрывом. Зачинателем всегда выступает Регина: ей нравится распускать руки и часто не хватает слов.

А Игорь, Игорек... художник в стиле фэнтези, карикатурист, делающий мгновенные, очень похожие карандашные шаржи, и успешный дизайнер одежды, тонко чувствующий стиль и удачно сочетающий в фасонах и расцветках сочный африканский фольклор и экзотику с европейской прохладной сдержанностью и утонченностью. Созерцателен, высокомерен, спокоен. Словарный запас нормальный, плюс богатая мимика – приподнятая бровь, ироническая кривоватая ухмылка, взгляд... Даже поза! Выразительнее всяких слов.

У этих двоих долгая история драк, поражений и побед. В свое время Игорек работал в Доме моделей Регины, бывшем трикотажном ателье, которое называлось «Регина» и выдавало на-гора неуклюжую продукцию, главным достоинством которой была дешевизна. И тут вдруг случился Игорек! Феерический показ в День святого Валентина, шикарные модели, шикарные девушки...

Регина была потрясена, но делала вид, мол, подумаешь, мы и сами с усами, а *Чертушка* пусть знает свое место и не забывается, а то, понимаешь, возомнил из себя!

Игорёк стал чем-то вроде талисмана для Дома моделей. Грубиянка Регина поверила в него безоговорочно и так же ему подчинялась, хотя постоянно давала понять, кто в доме хозяин... хозяйка! Она не была бы Региной, если бы по привычке не скандалила с дизайнером и не кричала, что он её разорит своими дурацкими причудами. Об этом уже упоминалось ранее. Но Игорёк, молодой человек с мягкими, кошачьими манерами, стоял насмерть, защищая свои модели и не соглашаясь на более дешевые ткани или аксессуары.

– Надо держать марку, – повторял он твердо.

Но в конце концов в один прекрасный момент он не выдержал, плюнул и уехал в столицу. Через пару лет, не преуспев, вернулся, и они встретились как старые, давно расставшиеся любовники, зорко отмечая признаки беспощадного времени: новые морщинки, лишние килограммы, седые волосы. Регина – ревниво, Игорек – с ухмылкой. И начался великий торг.

– Вернусь только на своих условиях, совладельцем, – заявил Игорек.

– Очень надо, – парировала Регина. – В гробу мы таких видали, ишь, замахнулся, губа не треснет?

– Тогда большой привет, – отвечал он, – я тебя тоже видал в белых тапках. Прогоришь, коллега, модели твои так себе, продаются через пень-колоду, дизайнер слабоват. А помнишь наш День святого Валентина? Триумф, фурор, восторг! Эх, было время...

Тяжеловес Регина испепеляла его яростным взглядом, Игорек ухмылялся и танцевал мотыльком. Оба выжидали, кто первым моргнет. Из всего вышеизложенного даже самому неискушенному в интригах человеку ясно, кто оказался первым...

В итоге ателье «Регина» превратилось в Дом моды «Икеара-Регия», и было заключено соглашение о невмешательстве, красных линиях и грязных лапах. Игорек придерживался условий – финансы его утомляли; Регина же перла буром и при каждом удобном случае орала, как раненый бегемот. Причем слов при этом не выбирала. Психотип у нее такой. Игорек, сложив руки на груди, был спокоен, как охотник-масай, его предок, отслеживающий этого самого носорога. Цедил слова, изредка роняя: «нет, не согласен»; «я все сказал»; «или так, или никак». Покричав, Регина доставала из тумбы письменного стола бутылку виски, блюдце с кружочками лимона, и они пили мировую.

– Очень неприятная особа, прямо хабалка, – однажды поделился Игорек с другом, профессором философии Федором Алексеевым. – Даром что прекрасный пол. И похожа на бегемота – тонна весу, дурной рев и подлючий характер...

– Знаешь, мне кажется, вы друг друга дополняете, – ответил ему Федор. – Регина вроде допинга – после скандалов твой потенциал дизайнера раскрывается, как бутон экзотического цветка. Не замечал?

Игорек задумался и не сразу сказал:

– Это ты мне как философ? Очень интересная мысль. Я подумаю. А ей какая польза?

– Она прекрасно знает тебе цену, но не хочет признавать, потому орет и топает ногами. Но в итоге всегда принимает твою точку зрения.

– *Tuna* в лом сразу капитулировать?

Федор развел руками...

Да, так о чем мы... Девушки примостились на диване и в кресле, Сандра – на пуфике, Регина – за письменным столом, а Игорек, сложив руки на груди, в немыслимо изящной позе – слегка опираясь плечом о стену, – сбоку, рядом с большим фикусом. Игорек, с его коричневой лоснящейся физиономией, гладко-обритым сверкающим черепом с мощной затылочной костью и безукоризненно белыми крупными зубами, был необычайно хорош собой. Добавить сюда запредельной красоты лиловый пиджак из тонкой лайки с большими пуговицами черного серебра и белую блузу с рюшами и блестками по вороту; ну, еще всякие мелочи-аксессуары, вроде тончайшего кашемирового шарфа фисташкового цвета, небрежно обмотанного вокруг шеи, и серьги в левом ухе – серебро и аметист...

Регина бросала на него скорые завистливые взгляды, пытаясь запомнить детали костюма, в то же время понимая, что запоминая не запоминая – без толку, так как ни кожаный пиджак, ни шарф в несколько слоев на ней не «прозвучат». Тем более рюши. И вообще, что можно высокому гибкому Чертушке, ей, Регине, похожей на обрубок, зась. Тем более, будучи женщиной прямой и бескомпромиссной, ужимкам и ухмылкам не обучена. С нее достанет и белого жакета с короткой юбкой, а в качестве аксессуаров кило золота: на груди, в ушах и на руках. «Падла!» – привычно подумала Регина, сжимая кулаки.

...Она сидела, прочно установив локти на стол – крупная, широкая, с мощными плечами борца, – и рассматривала девушек. Они, в свою очередь, не сводили взгляда с ее лица. Их было четыре. Четыре модельки... и один парень-унисекс, отличимый от них только здоровенными ботинками, которые не наденет даже самая продвинутая девушка. А так и не скажешь, кто есть кто.

Сейчас автор представит их.

Прима, любимица Регины, ее правая рука и доносчица Снежана Рубович. На самом деле она Людмила, но имя Снежана подходит ей больше. Это высокая кукольно-красивая платиновая блондинка с глазами цвета арктического льда. Неулыбчивая, высокомерная, холодная... Снежная королева. С гладко зачесанными, собранными в узел волосами, в голубом коротком

платье, с колье белого металла с синими камешками на тонкой длинной шее и с такими же серьгами; острые коленки, ногти, покрытые опаловым лаком...

Рядом ее подруга, Тамара Голик, широкоскулая и зеленоглазая, с веснушками на переносице и прямыми рыжими волосами до плеч, в черных брюках и длинном зеленом свитере. Чувствуется их обособленность – они здесь давно, в отличие от сидящей в кресле Алины Ким: узкоглазой, невозмутимой, молчаливой девушки, по-мальчишечьи плоской, со скупыми движениями и ротиком обиженной рыбки. Она сидит очень прямо, смотрит в окно, руки сложены на коленях. Чувствуется, что здесь лишь ее телесная оболочка, а дух витает в иных сферах.

Четвертая – Сандра Сахно, экзотическая мулатка, та, что всегда опаздывает, – примостилась на пуфике. Здесь есть на что посмотреть: пышная черная грива, тяжелый грим, карие глаза слегка навывкате и крупный сочный рот. Одежда под стать: красный балахон и сверкающее бижутерию на шее, в ушах и на руках. Она напоминает новогоднюю елку, подвижна, гибка, любит петь, все время мурлычет какой-то напев и даже слегка пританцовывает в такт. У нее громкий низкий голос, резкий бесшабашный характер, она завсегдатай баров и клубов и неразборчива в знакомствах. Протеже Игорька, между прочим. Он наткнулся на девушку в каком-то баре и был очарован ее пластикой и непосредственностью – она попыталась танцевать на столе, и ее выперла охрана. При этом Сандра сопротивлялась и заворачивала словеса, которые и повторить-то неудобно.

Регина, разумеется, встала на дыбы, но Игорек сказал, что им нужен импульс, драйв, новые лица и формы, а еще праздник, поэтому Сандра остается. Специально для нее была подготовлена феерическая коллекция, которая произвела фурор на показе. Не то чтобы все сразу кинулись покупать зубодробительных расцветок пышные юбки и блузки с оборками и рюшами, но смотрелось это замечательно.

У двери стоит вялое, бледное недокормленное существо без пола, не то мальчик, не то девочка. В широких черных штанах али-баба с мотней до колен, в черном свитере с клубком и в громадных ботинках. Выбритые виски, серьга – черный крестик в левом ухе – и проколота левая ноздря, тоже с черным крестиком, но поменьше. Все-таки мальчик. Молодой человек, Юлиан Крещановский, бывший танцор кордебалета, – также приобретение Игорька. Незаменим для демонстрации унисекс-моделей. Юлиан. Юлька. Молчалив, в ушах наушники-затычки, или «арматура», взгляд отсутствующий. Регина фыркает и называет его недоделанным папуасом.

Все, кажется? Нет, еще одна девушка полуспряталась за гигантским гибискусом с красными цветками. Это Анна Кулик, студентка педуниверситета и по совместительству уборщица на полставки. Присутствует Анна на летучке, так как Игорек по странной фантазии решил выпустить ее на подиум и приставил к ней Алину в качестве инструктора.

– Совсем уже? – вызверилась Регина, услышав новость. – Она же как корова – ни стать, ни сесть, едва ноги волочит. На хрен?

– Надоел гламур, хочется простоты и свежести, – поделился Игорек. – Выпущу в паре с Юлькой, прямо вижу, как они идут и держатся за руки... дети-цветы!

– И хрен поймешь, где кто! – фыркнула Регина. – А уши-то, уши!

– Именно! Стирание граней между полами – мировой тренд, англичане насчитали целых шестнадцать...

– Кто бы сомневался, – перебила Регина. – А пол мыть кто будет?

– Она справится, – заверил Игорек.

Анна... Аня, щуплая дробная стриженная почти наголо блондинка в джинсах и синей футболке с блестящим сердечком на груди, стеснялась и старалась занимать как можно меньше места. Игорек ей нравился, он всегда здоровался первым и расспрашивал, как ей работается. Регину она побаивалась и, заслышав начальственный рык, ныряла в первое попавшееся укрытие.

Алина Ким больше молчала, улыбалась своим ротиком обиженной рыбки и добросовестно показывала, как *нужно* двигаться: идти, ставить ступни, крутить кормой и плечами, поворачиваться, куда смотреть и девать руки. С Алиной было легко, от нее исходили флюиды покоя и доброжелательности.

Сандра хлопает Аню по спине и, хохоча, орет: «Анька, сложи *ухи*, а то улетишь!», намекая на худобу девушки и оттопыренные уши. Звучит это ни капли не обидно, Сандра – добродушная девушка. Снежана и Тамара Аню не замечают вовсе. Почти не замечают.

Персонал Дома собрался для последнего инструктажа-накачки перед весенне-летним показом, назначенным на послезавтра. Показ – знаковое событие: ожидаются высокие гости, пресса, бизнес, конкуренты вроде кутюрье Рощенко, пропади он пропадом, и просто покупатели. Любую понравившуюся модель можно заказать до того, как версия *прет-а-порте* поступит в магазин.

Шоу готовит Игорек, а Регина путается под ногами и вмешивается. Они общаются на повышенных тонах и хлопают дверьми. Регина хочет видеть всю программу, но на вчерашний прогон ее не пустили: сюрприз! Конечно, она знает о замыслах Игорька от Снежаны, но он не так прост, и Снежане известно далеко не все. Игорек тот еще интриган.

– Не вздумайте опоздать! – Регина ляпает по столу ладонью. – Никаких посиделок до утра! Выспаться, не жрать, не пить, бойфренда послать на... э-э-э... подальше. Все ясно? Вопросы?

Вопросов не было. Регина говорила еще минут десять, пока не выдохлась.

– Всем ясно?

Это был последний аккорд. Девушки зашевелились. Сандра вскочила с пуфика и потянулась; Алина сказала «до свидания» и вышла; Аня выскользнула вслед: Юлька проводил ее бессмысленным взглядом, вытащил затычку из одного уха и взглянул на Игорька, тот кивнул, парень кивнул в ответ и, не прощаясь, направился к двери. Игорек наклонился к Регине:

– Прекрасное выступление, Регина. Кажется, обсудили все. Если я тебе не нужен...

– Останься! – приказала она. – Остальные свободны.

Снежана неторопливо поднялась, поправила прическу, одернула платье; движения ее были грациозны – она напоминала породистую кошку. Тамара тоже встала. Девушки попрощались и вышли.

– Ну! – Регина уставилась на Игорька.

– В каком смысле? – ухмыльнулся дизайнер.

– Мне твои сюрпризы во где! – Регина резанула себя ребром ладони по горлу. – Имею право знать. Покажи запись!

– Какую запись? – Игорек откровенно издевался. – Ничего нет, так, кое-какие рабочие материалы...

– Ага, так я и поверила. Имей в виду...

– Давай не будем нарушать конвенцию, – перебил Игорек. – Я когда-нибудь подводил Дом? Ты у нас финансовый гений, вот и не... – Он хотел сказать: «Не суйся», – но передумал и вместо этого сказал: – У нас еще день, есть кое-какие сыроватые места, нужно доработать. Если у тебя все, я пошел.

– Подожди, – Регина вытащила из тумбы бутылку «Джонни Уокера» и стаканы, разлила: – Примем за успех. Первая, как говорится, колом! – Она махом опрокинула стакан; Игорек медленно цедил, глаза его были закрыты. Он устал, ему хотелось домой – подремать в теплой ванне с пеной до потолка, отхлебывая из стакана и закусывая лимоном.

– Лимона нет? – спросил он.

– Забыла купить. – Регина снова потянулась за бутылкой: – Вторая соколом!

– Мне хватит, – дизайнер убрал стакан.

– Тебе обязательно все изгадить? Ну вот что ты за человек такой?

Игорек скользнул взглядом по отдутловатому лицу соратницы, мешкам под глазами, обвисшим брылам щек и отвел глаза.

– Что, старая? – Регина заметила его взгляд.

– Ну-у... Тебе бы гимнастикой заняться, бегать по утрам и не... – он осекся.

– Да пошел ты! – Регина опрокинула стакан, резко выдохнула. – Хорошо пошла, зараза. Свободен! Иди, работай.

Хозяйка! Игорек только головой покачал...

Глава 2. Из дневника отличницы

«Игорек хочет, чтобы я выступила на показе. Я отказалась. Он настаивает...»

Аня оторвалась от экрана компьютера и задумалась. Ну какая из нее модель! Даже не смешно. Снежана – красотка, Тамара, Сандра, Алина... а она, Аня, другая. Боится людей – при одной мысли, что нужно пройти по длинному помосту, а вокруг зрители перешептываются, фотографируют, смотрят осуждающе, – чуть не падает в обморок... ужас! Смеются! Скажи она девочкам из группы, что ее отобрали для показа, ни за что не поверят. Они и не мечтают о таком счастье, а она отказывается. Дура ты, Анюта! Игорек говорит, нужно хватать все, что идет в руки, ни от чего нельзя отказываться, это жизненный опыт...

– А ты сидишь в норке как... *мидия!*

Аня невольно рассмеялась:

– Может, улитка?

– Какая разница, – махнул рукой Игорек. – Алина тебя поднатаскает, ты как с ней?

– Нормально, – пожала плечами Аня. – Она хорошая.

– Ты слишком зажата, кого боишься? Ты именно то, что мне нужно. Гламур и ботокс приелись, хочу естественности. Заметила, в современных фильмах актрисы почти без грима? Все девчонки мечтают стать моделями...

– Я не мечтала, – сказала Аня. – Я хочу быть учительницей.

– Одно другому не мешает, – ответил Игорек. – И денег побольше... в смысле, добавлю за участие. Пошли, покажу модели, ты такого еще не видела.

– А Регина Павловна?

– Боишься? Не твоя забота. Сменим имидж, цвет волос, подберем гамму... Ты как с Юлькой?

– Нормально. Он меня не замечает.

– Он никого не замечает. Присмотрись, какая пластика, – не ходит, а плывет! Танцует.

– Уж скорее Сандра!

– Э, нет! Сандра приплясывает, потому что душа поет, а у Юльки грация кота, от выучки. Он танцует с трех лет, работал в театре оперетты, фестивали разные, шоу... Разбился на байке и вылетел. Стал пить...

«Игорек кого хочешь уговорит. Да и самой хочется попробовать, если честно. Страшно и тянет! Не верится... Представляю, как иду, и страшно! Все смотрят, перешептываются, удивляются. А я как... как... не знаю! Они все красавицы, даже Сандра с ее длинными кэзэ. А я иду! Даже дух захватывает. Господи, не упасть бы! Они иногда падают, Сандра рассказывала. Снежана однажды чуть не упала... Снежана – принцесса, модели фантастической красоты, атлас, кожа, шелк... цена запредельная. Тамара попроще, барышня-крестьянка, подружка Снежаны, заглядывает ей в рот и подражает, но не сильно получается. Алина, как статуэтка слоновой кости, спокойная и созерцательная, недаром у нее кличка Будда. Сандра... Ох уж эта Сандра! Шумная, бесцеремонная, нахальная. И унисекс Юлька. Регина Павловна называет его папуасом... непонятно почему. Наверное, и у меня есть кличка... Игорек, например, Чертушка. Тамара... не знаю! Ее не очень любят, Сандра говорит, она – шестерка, стукачка. Алина называет меня «воробей». Она очень спокойная и терпеливая, Сандра говорит, у нее нервы, как у слона. Азия! По десять раз показывает, как надо, а я деревянная, честное слово! Никогда не думала, что пройти туда-сюда так трудно. Подбородок, руки, колени, плечи... Взгляд! Не смотри в зал – собьешься, представь, что их нет, ты одна!

Главное, не смотреть на их лица! Интересно, какие модели у меня? У Игорька модели... странные, если честно! Буффонада, фэнтези, буйство красок... африканская кровь, не иначе... И любимые цвета: лиловый, желтый, белый и черный. Вернее, не белый, а всякие оттенки «под». Их, оказывается, десятки: белый, кремовый, слоновая кость, магнолия, морская раковина, бежевый, снежный, дымчатый, белый призрак, цветочно-белый, лен, молоко. И так любой цвет. Конечно, не только буффонада – для Снежаны, например, сплошная элегантность, дух Милана и Парижа... никакой Африки и солдатских ботинок. А что, интересно, для меня? Что-нибудь под мальчика: короткие брюки, ботинки, здоровенный жакет, клетчатая мужская рубашка оверсайз до колен, кеппи... Гаврош! Недаром он спросил, как я с Юлькой. Меня часто принимают за мальчика, особенно сейчас, с этой стрижкой...»

– Анюта, ты чего удумала? – удивился протрезвевший дядя Толя, на третий день заметив ее новый облик. – Вроде на пацана похожа... раньше было лучше. С какого перепугу?

Дядя Толя – муж маминой сестры тети Лии. На самом деле она Аглая. Дядя Толя называл ее Лайкой и говорил, что с удовольствием посадил бы на цепь. Тетя Лия могла исчезнуть из дома на неделю или на месяц, а однажды вообще не вернулась, и они остались одни. Ей, Ане, было тогда четырнадцать. Дядя Толя – свободный художник и на все руки мастер: пишет вывески и портреты, льет чугунные оградки, кладет печи и режет кладбищенские памятники. Неплохо зарабатывает, но пьет. Аня сначала боялась, когда он лежал на полу, не сумев добраться до дивана, – ей казалось, что он умер. Но потом привыкла. Наутро отпаивала рассолом и заставляла поесть, прятала водку, выговаривала, как малому ребенку. Дядя Толя каялся и клялся, что все, завязывает, иногда плакал и жалел ее, Аню, держался неделю-другую – и опять срывался. От тети Лии через два года пришло письмо из Торонто: жива, здорова, работает в театре-кабаре, домой пока не собирается. Она – певица. «Надо же, куда залетела», – удивился дядя Толя и поспешил в магазин за водкой.

Спрашивается, а почему жалел? Когда Ане было семь, а брату Саше двадцать два, их родители погибли в аварии. Говорили, солнце ослепило, и машина врезалась в рефрижератор. Папа был за рулем... Она долго не могла поверить, что их больше нет. Были закрытые страшные гробы, которые закопали в землю и положили сверху венки. Она прижималась к Саше, он обнимал ее, словно оберегал. Она была растеряна и не плакала. Тетя Лия плакала, дядя Толя держал ее под руку. Потом они сидели за столом – Саша сказал, поминки; потом гости ушли и остались только свои. Она ушла к себе в комнату, а они еще долго сидели. Через два дня все уехали, и они с Сашей остались одни.

Саша... Умный, добрый, работага... Дядя Толя говорил, что Сашка мог запросто отдать ее в какой-нибудь интернат, спихнуть с глаз долой и не тянуть семью, учебу, работу, молодой ведь парень, в соку. «Саша никогда не отдал бы меня, – кричала Аня, глотая слезы. – «Слышишь, никогда!» – «Это я к примеру, – говорил дядя Толя примирительно, – я ж понимаю, свое ж дите, а Сашка золотой человек был, жаль, рано ушел. Надо помянуть, эх, жизнь наша подлая...»

Саша умер от сердечного приступа, когда ему было двадцать четыре, а ей девять. У него была невеста, готовились к свадьбе, а он взял и умер. Причем никогда никаких проблем с сердцем. А ее, Аню, забрали тетя Лия и дядя Толя. Они жили в Зареченске...

Тетя Лия – очень красивая, яркая, от нее всегда приятно пахло. А дядя Толя на полголовы короче, лысоватый, с носом, как у артиста Леонова. Аня как-то спросила у мамы, почему тетя Лия вышла за него замуж, неужели не могла найти кого-нибудь по красивее? А мама ответила: «Пусть спасибо скажет, что попался приличный и добрый человек, а не свистулька как обычно». Дядя Толя не был свистулькой, он действительно добрый и приличный, но пил. Выпив, становился веселым, смеялся, рассказывал всякие смешные истории про заказчиков, а потом вдруг умолкал на полуслове и засыпал прямо за столом. И ни скандалов тебе, ни драк,

ни злобы. Она вытаскивала его из-за стола и приговаривая: «остороженько, держись за меня, вот сюда, смотри под ноги», – отводила в спальню, укладывала в кровать и укрывала одеялом. С облегчением и чувством выполненного долга смотрела на него, спящего: доставила, теперь с ним ничего не случится – не упадет, не разобьется, а мирно проспит до утра...

Год назад она уехала из Зареченска, вернулась в город, где родилась, где остались родители и Саша, и поступила в педуниверситет. Дядя Толя часто звонит, скучает; подкидывает на жизнь, но она отказывается брать: стесняется. Берет, конечно, но ей стыдно. Дядя Толя приехал в гости, рассмотрел крошечную квартирку на окраине, которую она снимает с девочкой из их группы, сказал, что она похудела, стала совсем прозрачная, наверное, ничего не кушает. Накупил продуктов, пригласил в ресторан, выпил прилично; на другой день они вместе сходили на кладбище, положили цветы и посидели у могил. Памятники и оградки – работа дяди Толи. У родителей парный памятник черного мрамора, у Саши гранитный. Строго, без излишеств, без фотографий – так хотела мама, даже оставила письмо Саше, на всякий случай, мол, никаких фотографий, они еще посмеялись... А через два года их не стало. А на Сашином фотография есть – дядя Толя постарался – брат как живой. Он с улыбкой смотрит на нее, и Аня мысленно рассказывает ему про себя.

Дядя Толя выпил и заплакал, сказал, что вот так и проходит жизнь и ничего не остается, только кусок камня и две даты. После водки его тянуло философствовать. Раньше – смешные истории, сейчас – разговоры за жизнь...

Она нашла работу в Доме моды – повезло, можно сказать, причем совершенно случайно. Пришла спросить, а там, оказалось, только ее и ждали. Уволили накануне менеджера по уборке и курьера, как сообщил ей при входе здоровенный мужчина в бордовой униформе. Так что иди, давай, спроси у начальницы.

Регина с сомнением рассмотрела соискательницу и спросила:

– А потянешь? Уж больно ты хлипкая! Совершеннолетняя? Паспорт есть?

– Потяну! – пообещала Аня. – Честное слово! Мне уже девятнадцать. Скоро двадцать!

Трудновато, конечно, учеба и работа, но это ничего, она справится. Зато интересно. Девушки такие... потрясающие! Регина Павловна, конечно, с характером, и Аня старается не попадаться ей под ноги. Игорек славный. Всегда расспросит, как ей у них, как учеба, потрогает за плечико, возьмет за локоток, улыбнется. Ладонки розовые, похоже на дизайн. Его все любят, а Регина побаивается. Так ей, Ане, кажется. Хотя орет так, что слышно на улице. Он все с улыбочкой: руки сложит на груди, смотрит молча, а ее просто бомбит. А одет как! Торчит на шарфах и лайке: у него целая коллекция лайковых пиджаков и шарфов. Дизайнер от Бога! Чувствует «натуру», говорит Сандра, видит баб насквозь, в его шмотках любая клизма засверкает. *Они* все такие, мода на *таких* держится... в смысле, гм, это самое! Сандра многозначительно закатывает глаза и трясет головой...

Месяц назад Игорек отвел Аню в сторонку и сказал, что хочет выпустить ее на подиум. Подумай, сказал, новый опыт, у меня интересные мысли и задумки, не отказывайся! И ушел, не слушая возражений...

...Аня сидела на низкой скамеечке в загородке у Саши, рассказывала брату про Дом моды и неожиданное предложение дизайнера Игорька.

– Знаешь, Сашенька, мне так страшно! И радость тоже – что-то новенькое, девчонкам из группы пока не сказала. А вдруг не получится... Зато потом покажу фотки и расскажу. Они не поверят! Игорек сказал, если что-нибудь понравится, можно купить задешево. И распродажи для своих. К его моделям не подступиться, а тут можно! Он хороший, добрый, всегда скажет что-нибудь, расспросит... Саш, что мне делать?

«Чего тут долго думать, – Саша смотрел на нее с улыбкой. – Конечно, соглашайся, человек не должен отказываться, в жизни все надо попробовать».

Аня кивнула: совсем как Игорек. Поставила принесенные цветы – свои любимые синие ирисы – в мраморную вазу, попрощалась с Сашей и медленно пошла к главной аллее, туда, где памятник родителей. Синие ирисы... Она не знает, какие цветы любил Саша – не успела узнать, – и всякий раз мысленно извинялась перед ним. Синие ирисы красиво смотрелись на фоне зеленовато-серого со слюдяными высверками гранита...

Глава 3. Парад монстров

*Талии – кубки.
Ногти – в глянце.
Крашенные губки
розой убиганятся¹.*

*Упадая с высоты,
пол метут шлейфы...*

В. Маяковский. Красавицы

Зал был полон. В первых рядах – Регина Чумарова, главные особы города, мэр с супругой – всем известна его маленькая слабость открывать все подряд и перерезать ленточки: от детской площадки до Дня города; богатые и знаменитые, спонсоры, а также пресса в лице культового журналиста Алексея Добродеева. Читателю он, возможно, знаком под именем Лео Глюка. Рядом с ним дипломированный мастер художественной фотографии, лауреат многих премий, в том числе зарубежных, Иван Денисенко. Тут же конкурент Дома, кутюрье Рощенко, полный зависти и скепсиса, в своей обычной красной бейсболке козырьком назад. Публика – в основном женщины – пребывает в состоянии эйфории и ожидания чудес. Негромкие голоса, стук стульев, смех, шелест программ; едва слышная музыка, где-то очень далеко, классика...

Игорек Нгелу-Икеара стремительно проходит по длинному помосту; его встречает шквал аплодисментов. Он стоит, немыслимо красивый, в белом костюме, его гладко обритая голова сверкает в свете люстры. Он протягивает вперед руку с розовой ладошкой, призывая к тишине, и начинает свой спич:

– Дорогие гости! Дамы и господа! Позвольте мне поблагодарить всех вас за интерес и поддержку, которые «Икеара-Регия» чувствует головой, сердцем и нервами. Надеюсь, мы не подведем и не разочаруем. Наше представление в двух частях: фантасмагория, навеянная Венецианским карнавалом, и реалити-шоу. Виват! Виват! Виват!

Он поклонился – зал утонул в овациях; Иван Денисенко защелкал камерой; Леша Добродеев возился с мобильным телефоном, мысленно чертыхаясь – что-то там заклинило. Регина не выдержала и поднялась. Служитель подскочил к ней с микрофоном. Игорек протянул руку и втащил ее на подиум. Она стояла рядом с ним: крупная, широкая, большеголовая, тоже в белом костюме, в красных туфлях на высоких каблуках. С багровым лицом и сбитым дыханием – запыхалась, пока лезла вверх. В глазах светилось торжество – вставила фитиля Чертушке! Ее выступление в программе не предусматривалось. Они стояли рядом, плечом к плечу, заклятые соперники-партнеры.

– Дорогие мои! – Регина взмахивает рукой. – Это знаковое событие останется в истории города навсегда. Что я хочу сказать... – она слегка запнулась. – Э-э-э... вы увидите феерическое шоу, в которое мы вложили всю душу! Да! Всю душу! А помните... помните, как начинался Дом? Помните? Позвольте напомнить! Он тогда назывался «Регина»! Сколько... воды с тех пор... даже не вспомнить! До слез!

Игорек шевельнулся и потянул носом; улыбка сползла с его лица. Если *мадам* ударяется в воспоминания, то это надолго. Кроме того, от нее тянет виски – не выдержала, приняла от волнения. Игорек обнимает ее, прижимает к себе, целует руку и проникновенно произносит:

---

¹ «Убиганиться» – глагол, придуманный Маяковским, производное от названия французской парфюмерной фирмы «Убиган» (Houbigant).

– Наш Дом – заслуга вот этой замечательной женщины, ее усилий, воли, дерзаний! Вы все ее знаете! Ваши аплодисменты, господа, Регине Чумаровой!

Он снова целует опешившей Регине руку и уволакивает ее с подиума. Она до того растерялась, что безропотно уходит. Их сопровождает новый шквал аплодисментов.

– Она чуть не упала, видели? – злорадно шепчет кутюрье Рощенко соседу. – Говорят, пьет как лошадь, не понимаю, зачем ее выпускают!

Классическую музыку сменяет галоп. На подиуме, подпрыгивая в ритме мелодии, появляется странное существо с головой жирафа: длинная шея, желтая с коричневыми пятнами голова, уши и рожки. Секундой позже – новое существо с головой зебры: резкие черные полосы и черная грива. На существах белые курточки из искусственного каракуля с короткими рукавами, кюлоты чуть ниже колен, на тонких ножках громадные ботинки на толстой подошве. Они допрыгивают до конца подиума и кланяются. Их встречают гром аплодисментов и хохот. Некоторые привстают, чтобы рассмотреть получше. Непрерывно щелкают камеры и айфоны. Кляц-кляц-кляц...

Жираф и зебра упрыгивают за ширмы. На смену им марширует высокая девушка в ботфортах, в пышной черной с белыми полосами юбке с четырьмя разрезами и черном лифчике, усыпанном блестками; на лбу у нее обруч с торчащими рожками, на лице черная сверкающая маска. Она похожа на робота: движения ее скупы, выверены, бесчеловечно совершенны.

Мгновенная тишина – и снова взрыв аплодисментов.

Девушку в маске сменяют три новые – в шляпках-кастрюлях с полупрозрачной вуалью, закрывающей лицо; сверху прозрачный черный бант; на них длинные узкие юбки с высокими разрезами спереди и сзади, на плечах черное в блестках болеро фасона «летучая мышь», а на ногах высокие шнурованные ботинки. Движения девушек синхронны, глаза таинственно сверкают под вуалью, ярко-красные губы выделяются резким пятном. Они удаляются в сопровождении аплодисментов.

Их сменяет пара карикатурно тонких, стриженных почти наголо, с мертвенно белыми лицами существ – ни бровей, ни ресниц; громадные рты, покрашенные бордовой помадой; на скулах – сердечки и блестки, вокруг глаз – черные круги. Они наряжены в серо-синие пышные полупрозрачные шифоновые платья с рукавами, как крылья; оба босы, с красным лаком на ногтях. Идут, держась за руки. У одного заметно оттопыренные уши.

Мгновенная тишина – и тут же вопли «браво» и хохот!

Дальше выход девушки в черной короткой кожаной юбке и лиловом свитере с пышными рукавами-буфами; ноги в черных непрозрачных чулках чуть выше колен тонкие и кривые; поверх чулок видна полоска голой кожи. Ботинки.

Аплодисменты!

Еще одна девушка-соло в расклешенной куртке под леопарда и такой же юбке, на голове соломенная шляпка с широкими полями и большим красным цветком спереди. Она проходит, приплясывая и покачивая бедрами; развеваются полы, открывая символический топ на бретельках и коричневую кожу. На ее шее раскачивается маятником сверкающий медальон на длинной массивной цепочке.

– Не могу понять, – говорит Леша Добродеев, наклоняясь к Ивану Денисенко, – что это? Какое-то гениальное уродство! Как тебе?

– Супер! – Иван показывает ему большой палец, не отрываясь от камеры. – Восторг, встряска. Все осточертело, а тут смотрел бы и смотрел! Зрелище! Ну, Игорек! Порадовал старика. – Насчет старика, конечно, кокетство: Иван – мужчина в соку и самом расцвете.

Снова тонкая бледная парочка существ без пола. Впереди то, что повыше, за ним второе, пониже. Первое с зелеными торчащими на голове перышками, второе с розовыми. Лица раскрашены сообразно в зеленое и розовое. Пышные белые воротники-жабо, белые платья в форме трапеции с разноцветными вертикальными полосками, и туфли-котурны на высокой

платформе. Они проковыляли до конца – было видно, что ходить им трудно, – повернулись, доковыляли обратно и исчезли.

– Фантастика! – восторженно выдохнул Иван. – Где он их берет?

– Не знаю, не знаю, – сказал Леша Добродеев. – Я традиционал, а эти... это... какой смысл?

– Опт-арт, – сказал Иван. – Визия, праздник для глаз. А традиции надо ломать. На хрен тебе смысл? Ты такое раньше видел?

– Не видел! Кто это наденет?

– Никто. Мода в чистом виде, как идея и зрелище. Смотри, у Рошика морду перекосило – обзавидовался, бедняга!

– А парнокопытные на хрен?

– Изюминка! Африканская визия художника. Кстати, может, смотаемся на сафари? Поохотимся на слонов или тигров! Как идея?

Добродеев хотел ответить «индейка», но только вздохнул: Иван и его дурацкие идеи! Разве в Африке водятся тигры?

Жена мэра повернулась к Регине и выдохнула:

– Потрясающе! Региночка, это просто потрясающе! Так необычно, так свежо! Поздравляю!

Регина кивнула и почувствовала, как сжатая внутри пружина начала понемногу распрямляться. Зрелище, устроенное Чертушкой, ничего, кроме раздражения и неловкости, у нее не вызывало, и она уже представляла, как устроит ему разнос. Даже кулаки сжала в предвкушении. Что он себе возомнил? Устроить балаган, выставить каких-то бомжей... Господи! Зеленые морды, блестящие сердечки... чисто монстры! Хиппарь несчастный! стыдоба! Совсем крышей поехал. Недаром не пускал на репетиции, крутился как уж на сковородке. А оно, оказывается, необычно и свежо? Получается, она, Регина, ни хрена не понимает? Не врубается? Отстала от мировых трендов? И вообще старая дура? В глазах защипало, она всхлипнула.

– Региночка, как я вас понимаю! – щебетала жена мэра. – Эти слезы... гордость художника! Знаковое событие, которое останется в памяти города! Особенно это трогательное существо с ушами!

Знаковое событие, надо же! «Останется в памяти...» Что называется, накликала. Но об этом позже.

Вторая часть шоу была вполне традиционна. Снежана блистала королевой. Весенние туалеты, немыслимо элегантные костюмы и платья, калейдоскоп расцветок, минимум экзотики, классика и легкость. Широкие плечи снова в моде; длинные узкие юбки с разрезом, строгие блузки, короткие жакеты; куртки и жакеты из лайки, а как же! Бархат и велюр! Нежнейшие расцветки: оливковые, бледно-фиолетовые, оттенки мха и старого золота. Розовое и малина снова в моде. Кюлоты в тренде. Туники и легинсы вернулись! Джинсы-скинни и клетчатые рубахи оверсайз. Вечерние платья с торчащими разноцветными перьями на плечах; розовые и голубые невесомые облака рюшей и оборок; открытые спины, угловатые плечи, тонкие ключицы, острые немыслимой красоты коленки; легкие движения – воинствующая женственность, стиль, восторг. И главное, почти классика. Изюминка – свадебные платья! Узкие, длинные, короткие, открытые и закрытые, розовые, кремовые, голубые. И главная изюминка... Супери-изюминка, гвоздь программы и фурор: длинное белое платье с пышной юбкой, на тонких бретельках, расшитое стразами. Снежана, конечно. С гладкой прической, в руках букетик мелких палевых роз, глазки опущены. Невинность и шик. Она идет медленно – выступает! Покачивается пышная юбка, вспыхивают стекляшки, сияют плечи; она восхитительно красива, до слез, как мечта, как... цветущее деревце!

Публика поднимается, хлопают сиденья, крики и аплодисменты...

...Потом, как водится, фуршет, поздравления, шампанское, интервью, бурный обмен восторгами. Игорек чувствует себя именинником, Регина ревнует, но без фанатизма – славы хватит на двоих. Шампанское, канапе и крекеры, оливки, креветки, листики салата. Очень тонко, на один зуб. Экономная Регина была против, но Игорек настоял. Не надо жалеть на представительство – его девиз. А еще: *noblesse oblige*!² Что примерно то же самое.

Украшение приема – девушки, появившиеся в зале. Их встречают аплодисментами. Ослепительная Снежана в узком платье белого атласа, с синими камешками на шее и в ушах; Тамара в зеленом костюме: короткий жакет из глянцевитой жесткой ткани и юбка в пол; Алина в синем кимоно с драконами, Сандра в огненно-красном с рюшами и оборками, с каскадом сверкающего бижута на шее и руках. С ними фотографируются и суют программки для автографа; дипломированный фотограф Иван Денисенко взмок, в полнейшем восторге бегая по залу в поисках удачного ракурса. Леша Добродеев хватается присутствующих за руки и устраивает блиц-интервью.

Около Снежаны представительный молодой человек, заметно, что они близки. Кто-то пустил слух, что это жених. Леша Добродеев подскочил, оттеснил желающих пообщаться и выпалил:

– «Вечерняя лошадь»! Лео Глюк! Вы сегодня самая красивая пара! А вы, Снежаночка, самая красивая модель Дома «Икеара-Регия»! Говорят, вскоре мы услышим звон свадебных колоколов... Короче, наших читателей интересует, когда свадьба.

У «Вечерней лошади» та еще репутация! Новости, слухи, сплетни, откровенное вранье, выволакивание скелетов, разоблачения, интервью с местными и заезжими знаменитостями, а также свидетельства очевидцев на тему барабашек, привидений и пришельцев из космоса. Попса на все вкусы.

Снежана и молодой человек переглянулись; девушка улыбнулась, парень приобнял ее за плечи:

– Не скажем!

– Значит, правда? – наступал Добродеев.

– Конечно, правда! – рядом с ним появился Иван Денисенко. – Позвольте на память! Совет да любовь! – Он затанцевал вокруг пары, кляца камерой.

– Горько! – закричал кто-то, и остальные подхватили: – Горько!

Снежана смутилась и покраснела, молодой человек обнял ее, и они поцеловались. Взрыв аплодисментов.

...Через час прием увял, оставались считанные гости, официантки убрали пустые тарелки. Леша Добродеев и Иван Денисенко принимали водку, случайно оказавшуюся в кофре фотографа, и закусывали остатками крекеров с салатными листиками.

Регина была измотана – подъем прошел, она чувствовала себя выжатым лимоном; девушки исчезли одна за другой. Последней, послав всем дюжину воздушных поцелуев, пританцовывая, ушла Сандра, умудрившаяся хватить лишку. Померкла парадная люстра; Регина упала на стул и расстегнула блузку; Игорек сел рядом, взял ее руку и поцеловал. У нее не хватило сил удивиться, она просто кивнула. И тут вдруг дикий вопль резанул уши, на пороге появилась визжащая Сандра. Вид ее был страшен...

---

² *Noblesse oblige* (фр.) – в пер. Положение обязывает.

Глава 4. Спасите наши души!

*Гордо морду,
Гордо стянет
Профиль птичий...*

И. Уткин. «Стихи красивой женищине»

Федор Алексеев проснулся от резких тактов «Голубой рапсодии», протянул руку и похлопал по журнальному столику, пытаясь нащупать айфон. Он дремал, и ему снился сон: пляж, красивые девушки, блики солнечного света на речной ряби. Он лежал на теплом песке, испытывая умиротворение и покой от горячего солнца, гомона народа, шлепков ладоней по мячу, от того, что не нужно спешить – летние каникулы, никто нигде его не ждет.

Звонок вытолкнул его из сна, он попытался удержать в памяти картинки, но они таяли на глазах, оставляя после себя пустоту. Увидев имя звонившего, он удивился, и первым его побуждением было не принимать звонок. Но он тут же устыдился и произнес:

– Регина? Здравствуй!

– Федя, у нас беда! – Вопль Регины резанул уши. – Только на тебя вся надежда! Федечка, помоги! Господи, я не выдержу!

– Регина... Что случилось? Ты меня пугаешь.

– Ты не можешь прийти? Сейчас! Пожалуйста!

– Я простудился, лежу... Что-нибудь серьезное?

– Убийство! Федечка, у нас убийство! Ты приедешь?

– Приду, – сказал Федор после паузы. – Через час.

...Сандра пронзительно визжала, схватившись за голову. Народу в зале оставалось уже немного. «К счастью, – как потом выразилась Регина. – Меньше паники». Они сидели на диванчике, она и Чертушка, уставшие, в приподнятом настроении, заключив негласное перемирие. Игорек снова поцеловал ей руку, чем окончательно вышиб из колеи – она даже прослезилась. И тут вдруг появилась Сандра. Вид ее был страшен!

– Господи, – пробормотала Регина, – чего онаечно орет? В чем дело?

Игорек поднялся, подошел, тряхнул девушку за плечи. Сандра перестала кричать и уставилась бессмысленно. Все смотрели в их сторону.

– Ну? – спросил Игорек.

– Там... – Сандра взмахнула рукой. – Она там!

– Пошли, покажешь! – Игорек вытолкнул ее из зала.

Регина, не желая ничего пускать на самотек, бросилась следом. Леша Добродеев и Иван Денисенко, переглянувшись, тоже выскочили из зала. Несколько уходящих гостей задержались, полные любопытства. Спустя минуту вся компания сгрудилась на пороге гримерки. Регина издала сдавленный звук и закрыла рот рукой. В кресле у зеркала лежала Снежана; им бросились в глаза ее запрокинутая голова, окровавленное лицо и безвольно свесившиеся руки; разорванное у ворота белое платье было залито кровью. Изящная белая лодочка на невысоком каблучке отлетела на середину комнаты...

... – Знаешь, Федя, это был ужас! Я подумала, она еще жива, бросилась к ней, схватила за плечо, а Игорь оттащил, слава богу! – Регина всхлинула. – Я прямо растерялась! Сандра рыдает, Иван фоткает, лезет под руки, стоим как дураки. Потом Игорь позвонил в «Скорую», а те уже вызвали полицию. А тут жених с криками: рвется к ней, начал трясти и звать! Леша с Иваном его скрутили. А дальше вообще кошмар! Коля Астахов, твой дружбан между прочим...

слух был, что его убили. Живой! Все перевернули, обыскали, вывернули наизнанку. Гостей задержали и допросили! Почти все разошлись. Он не рассказывал? – Федор покачал головой. – Спасибо, что приехал, Федечка, я им не верю ни на грош! Вся надежда только на тебя. Помню, как ты раскрутил убийство той тележурналистки...

– И певички из «Английского клуба», – добавил Игорек³.

– Как ее? – спросил Федор. – Ножом?

– Задушили. На шее были красные пятна. Шнуром или шарфом...

– А кровь откуда?

– Они ничего не сказали, но мы думаем, ее несколько раз ударили лицом об стол, – там тоже была кровь, – а потом задушили. Или сначала задушили... Бедная Снежана!

– Ее никто не трогал? Со стола ничего не брали? Регина, ты сказала, что бросилась к ней...

– Никто! Я дотронулась, чуть-чуть... Игорь не пустил. Честное слово! Никто даже не подходил. Только Руслан... он думал, она живая.

– Я вызвал «Скорую», – сказал Игорек. – Не мог поверить...

– Такой замечательный показ, все довольные, прием на высоте, и вдруг такое! Снежана... Бедная девочка! – Регина всхлипнула. – Наша прима! Лучшая модель, актриса и красавица, замуж собиралась... Руслана прямо трясло всего! Это жених... До сих пор не могу опомниться!

– Фотографии есть?

– Есть! – Игорек протянул Федору целую пачку. – Ее звали Снежана Рубович. То есть на самом деле она Людмила. Людмила Рубович.

– Сколько у вас моделей?

– Четыре... пять девушек и один парень.

– Как давно они работают?

– Несколько лет. Только двое недавно – Юлька... Юлий Крещановский – год, Аня Кулик – четыре месяца. Она уборщица, в показе участвовала впервые.

Федор Алексеев рассматривал фотографии. Они стояли, отражаясь в зеркалах, посередине небольшой ярко освещенной гримерной: бледный Федор с трехдневной щетиной, в черном свитере и джинсах; длинный тонкий Игорек в лиловом пиджаке и таких же обтягивающих штанах; поникшая, совершенно непохожая на себя Регина в скромном темном платье, страшная, без грима...

– Что дал обыск? – спросил Федор. – Нашли, чем ее?..

– Не знаю! – воскликнула Регина. – Выдвинули ящики, вытащили личные вещи из шкафчиков, допросили всех, кого поймали. Держали три часа! Жениха вывернули наизнанку – где был, когда видел в последний раз... Ужас! От нас теперь шарахаться будут!

– Напротив, – сказал Игорек. – Теперь про нас узнают все. Народ валом повалит. Плохой рекламы не бывает.

Регина только рукой махнула.

– Пропало кольцо, что Руслан подарил, – сказал Игорек. – Оно слишком яркое – синие камни, – я попросил не надевать. А в зале она была уже в нем. И одна сережка. Вторая осталась. Есть фотки. При обыске ни кольцо, ни сережки не нашли. Я бы не удивился, если бы убили из-за них.

– А где был жених?

– Ожидал внизу. Она пошла взять шубу, сказала мигом. Они раздеваются здесь, гардеробная тут же, за дверью, – он кивнул на дверь в торце комнаты. – У каждой свой шкафчик. Через двадцать минут он пошел за ней, а тут Сандра навстречу! Она уже уходила, зашла забрать вещи и увидела Снежану. Начала орать, все повыскакивали из зала, никто ничего не понимает,

---

³ Подробнее читайте об этом в романах Инны Бачинской «Лучшие уходят первыми» и «Отражение бабочки».

а она орет как резаная! Прибегаем и... о господи! Я надеялась, что она живая... Мы все надеялись. Знаешь, невозможно поверить, – каких-то двадцать минут назад живая, а тут вдруг... А потом началось!

– Приехали... Бригада! – подхватила Регина. – Топают, всюду лезут, вытаскивают личные вещи, бюстэ там, белье, косметику... так все грубо, бесцеремонно! Даже коробочки с чаем и кофе! Нашли бутылку водки... Твой дружбан, между прочим! И так ехидно, даже не ожидала: «Расслабляетесь?» Люди хотели уйти, а они всех допросили, переписали и только потом отпустили. Ее увезли, а мы остались...

– Время убийства известно?

– Известно, – сказал Игорек. – Иван Денисенко ее снимал, на снимках дата и время. Последняя фотка в десять пятьдесят семь, она уже в дверях была – повернулась и помахала. Попрощалась. А Сандра прибежала в одиннадцать двадцать три, в коридоре часы на стене, я заметил время, когда мы выскочили. Двадцать шесть минут. Минус пару минут, пока она бежала... Сандра. Получается, примерно двадцать четыре.

– А где были остальные девушки? И парень?

– Тамара Голик ушла, по-моему, чуть раньше; Алина Ким ушла сразу после показа, на прием не осталась, она у нас «вещь-в-себе» и держит дистанцию. Юлька тоже ушел, не его компания. К сожалению, камера на выходе из Дома вышла из строя. Аня была здесь, убирала, я хотел затащить ее в зал, но она ни в какую – стеснялась. Потом ушла Снежана, и осталась одна Сандра: она у нас любит потусоваться на публике. Она уходила последней.

– Алина была на приеме! – сказала Регина. – Я приказала всем быть, хотела снимки с гостями.

– Точно! Недолго, – сказал Игорек. – Ани и Юльки не было вообще.

– Понятно. То есть когда уходила Снежана, из ваших оставалась одна Сандра?

– Вроде да.

– А гости? Кто был в зале?

– Оставалось человек одиннадцать, почти все уже разошлись. Кое-кто еще был внизу. Когда Сандра стала кричать, они кинулись наверх. В зале были Леша Добродеев, Иван Денисенко и Рощик – Рощенко, конкурент. Леон Маркин крутился, мы с Региной не в счет. Если с нами, то тринадцать. Чертова дюжина. Все вроде.

– Без Рощика не обошлось, – сказала Регина. – Он способен на любую подлянку.

– Рощик мухи не обидит, – сказал Игорек. – Язык как помело, согласен. Но чтобы убить? Категорически нет!

– Ты откуда знаешь? – пробурчала Регина. – Еще Ленька Маркин крутился.

– Кто такой Ленька Маркин?

– Аферист из Парижа, не пропускает ни одного показа, всюду лезет... без мыла. Леон Маркин... Федя, поможешь? Нам же ничего не говорят!

Федор достал носовой платок и высморкался:

– Если смогу. Надо бы поговорить с девушками и женихом. Кто он такой?

– Руслан Бродский, у него строительный бизнес. Я позвоню, попрошу встретиться с тобой. Девушки всегда под рукой. Когда?

– Завтра в десять. Начнем... – он замялся на миг. – Начнем с Сандры. Значит, Сандра в десять. С кем Снежана дружила?

– С Тамарой Голик.

– Следующая Тамара. Потом уборщица, как ее?

– Анна Кулик.

– Да. Потом та, которая ушла... Алина, кажется? И молодой человек, Юлий Крещановский. Примерно по полчаса на душу. А потом жених. С ним я встречусь в городе. Кто из охраны дежурил? У вас амбал на входе, он?

– Он. Стас Зубов. Их двое. Второй болеет уже неделю.

– Камеры?

– Есть. Одна – в зале, другая – внизу на выходе. Как назло, нижняя вырубилась в девять с минутами. Твой дружбан забрал записи. Могу дать запись дефиле и приема, – сказал Игорек. – Посмотришь на девушек. Может, сам захочешь. – Он ухмыльнулся. – Всегда примем.

Это была старая история – Игорек и Регина приглашали Федора в «мужские модели»: как раз такой и нужен, говорила Регина, красавчик и фигура, подумай, Федя. Федор отбивался, Регина приставала и требовала; Игорек хихикал и закатывал глаза.

– Давай посмотрю. Тогда все. До завтра.

– Куда? – Регина схватила его за рукав. – Не пущу! Ты же совсем больной! Сейчас мы тебя поправим народным средством, по бабкиному рецепту. Стас потом доставит домой.

Федор попятился:

– Ребята, я лечусь дома, купил всего... Врач был. Все в норме. Мне уже лучше, честное слово!

– Игорь, держи его! – приказала Регина; она уже утерла слезы и пришла в себя. – Ничего не хочу слушать!

Кончилось тем, что они оказались в кабинете Регины. Она достала бутылку виски, стаканы и блюдо с нарезанным лимоном, разлила:

– За успех! Поехали, Федя! Это тебе не отравка из аптеки, чистый продукт. Все как рукой снимет. Ну! Первая колом! За здоровье!

Игорек подмигнул Федору; они чокнулись и выпили...

– Вторая соколом! – скомандовала неугомонная Регина. – За истину!

Они снова выпили. Федор попытался ускользнуть, но не тут-то было.

– Третья – мелкой пташечкой! – объявила Регина. – За нас!

Глава 5. Цветник... или рассадник?

*Ты – женщина, ты – книга между книг,
Ты – свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.*

Валерий Брюсов. «Женщине»

...Она сидела перед Федором: пышная, с торчащей дыбом львиной гривой, в синем платье с глубоким декольте, увешанная блестящими побрякушками, слишком крупная для модели. Рассматривала его. Он, в свою очередь, скользнул взглядом по ее лицу... Сандра! Выпуклые карие глаза Сандры напоминали кофейные зерна на белом фарфоре, вывернутые губы сверкали лиловой с золотыми искорками... помадой? Лаком? Федор затруднился с определением: среди его знакомых женщин с подобной экзотикой не наблюдалось. Ее кожа была теплого и приятного глазу цвета молочного шоколада. Она сидела перед ним, грудь вперед, забросив ногу на ногу и сцепив руки на коленях. Он заметил, что у нее поразительно красивые руки с длинными лиловыми ногтями... с золотыми узорами! Фамилия Сахно плохо вязалась с ее внешностью. Дитя любви и страсти, сказал Игорек: папа из Танзании, мама наша, сгоряча вышла замуж, а потом сбежала, не выдержала африканской экзотики.

– Добрый день, Сандра, – сказал Федор. – Спасибо, что согласились встретиться. Меня зовут Федор Алексеев, я...

– Знаю! Игорек сказал, вы – профессор из университета! – ухмыльнулась Сандра, беспардонно разглядывая Федора. – Он сказал, вы – частный детектив и у вас свой дедуктивный метод, а еще вы консультируете полицию и сразу просекаете, кто убийца. Я первая ее увидела! – похвасталась она. – Все уже разошлись, я тоже собиралась, пошла за пальто, вхожу, а Снежана в кресле перед зеркалом... Ну, думаю, никак не налюбуется! Горел один светильник, полумрак... Я еще подумала: что, интересно, в такой темноте можно увидеть? Присмотрелась... – Она ахнула и приложила ладони к щекам. – А там кровь! У нее все лицо в крови! Белое платье в крови, на столике все залито. И туфля посередине комнаты – я споткнулась! Прямо застыла вся, не могу пошевелиться, чувствую, сейчас упаду! И голос пропал! Хочу закричать и не могу! А потом как закричу! Выскочила оттуда, прибегаю в зал, кричу, не могу остановиться! И главное, чувствую, что кто-то бежит следом и сейчас ка-а-ак схватит!

У девушки была выразительная мимика, она кричала и размахивала руками, не забывая стрелять глазами и поправлять свою пышную гриву. Федор поднял руку, останавливая ее, и спросил:

– Сандра, вы никого не заметили в коридоре? Когда шли в гримерную и потом? Вам показалось, что за вами кто-то бежал...

Она замолчала, уставившись на него, словно переваривая вопрос, и Федор подумал, что она напоминает остановленную на скаку лошадь.

– Не заметила, – сказала она не сразу. – Там никого не было. Если честно, я боялась оглянуться. Может, и бежал. Все уже разошлись, оставалось всего несколько человек. Регина Павловна, ее подруги, еще фотограф Иван Денисенко... он говорит, что художник, и журналист Леша Добродеев из «Вечерней лошади». Все свои. А я бегу и кричу, прибегаю в зал и кричу, не могу остановиться! Игорек подскакивает, хватает меня и трясет, а я не могу остановиться! Никогда не забуду! Колье пропало! И еще сережка! Ее убили из-за колье! Она после показа надела... с сапфирами.

– Понятно. А жених Снежаны там был?

– Руслан? Его не было. Он ждал ее внизу, а она пошла за шубой. Он говорит, что прождал ее двадцать минут или даже больше и пришел посмотреть, в чем дело, а тут мы все и она в кресле! Он бросился к ней, приподнял, стал звать, а Иван и Леша его схватили и оттащили. А у нее лицо в крови, платье тоже, на столике кровь... На полу! Ужас! Регина кричит: вызывай «Скорую», может, жива! Игорек чуть в обморок не упал: он боится крови. Все стоят и молчат, а Игорек уже звонит... Знаете, сейчас все как в тумане, реально плохо помню, только как коленки подламываются, упала на диванчик... Анюта побрызгала на меня водой и вальерьянки накапала. Она первый раз в дефиле, вообще работает уборщицей, ее Игорек притащил, а Регина была против, они страшно поругались, но Игорек настоял. Классно получилось! С кенгуру и зеброй, публика вообще в отпаде. А тут вдруг такое... Я не верила, что убийство, думала, потеряла сознание и ударилась лицом... ну там, кровь из носа, а потом оказалось, что ее задушили! А кровь откуда? Я думаю... – Сандра понизила голос: – Он ее задушил, а потом разбил лицо об стол!

– Он?

– Э-э-э... он? – повторила она, недоумевая.

– Вы сказали «он задушил». По-вашему, это был мужчина?

Долгую минуту Сандра смотрела на него бессмысленно, потом отвела глаза. Задумалась. Федор ждал.

– Ну а кто? – сказала она после паузы. – Женщины больше ядом травят, во всех детективах показывают. Страшно вот так взять и задушить. И силу надо иметь какую... – В глаза Федору она больше не смотрела.

– Что она за человек? Была...

– Снежана? – Сандра облизнула губы. – Красивая очень. Самая красивая... Прямо Снежная королева. Регина Павловна ее очень любила. Прямо обожала.

– Вы дружили?

– Я с ней? Нет, конечно! Она была высокомерная, нос драла до потолка. Она только с Тамарой дружила, они у нас самые старые... в смысле, раньше всех пришли.

– Конфликты были?

– Ну... – Она снова отвела глаза. – Понимаете, у всех свой характер, все на нервах, любое слово может обидеть. Не то чтобы конфликты, а так, по мелочам.

– С кем в последнее время?

– Вы что, думаете, это кто-то из нас ее? Глупости! У нас некому. Ее не любили, конечно, но чтобы вот так взять и убить... Нет! Снежана гадости про Анюту говорила, – она у нас как мышка: маленькая, неуверенная в себе, семьи нет... Называла ее заморышем и вертолетом...

– Вертолетом?

– У нее уши торчат. А Игорек обыграл, и классно получилось. Знаете, сейчас подтяжками и филлингом уже никого не удивишь, приелось, а вот уши! И лицо розовое... краска, в смысле. Но если вы думаете, что Анюта могла... Господи, нет! У Снежаны даже с Алиной конфликт был... Алина Ким из Казахстана, характер спокойный, больше молчит, страшно вежливая, никогда не остается на тусовки и не пьет даже вина – ей религия не позволяет. Снежана обвинила ее в краже: у нее пропал кулон, говорит, на столе лежал, она вышла, а в гримерной только Алина была. Потребовала обыск. Алина ничего не ответила, только посмотрела... Я бы так не смогла! Я бы ей ее белые патлы с корнем выдрала! А она повернулась и вышла. Во удержка! Между нами, я ее называю Будда. Она хорошая...

– Подвеска нашлась?

– Нашлась. Упала на пол.

– А с вами из-за чего? – спросил Федор.

– Со мной? – Сандра на миг запнулась. – Она сказала, что мои шмотки как из секонд-хенда! Да, я люблю все яркое, Игорек понимает, а эта крыса... Ой! В смысле Снежана. Я ей врезала, что не надо строить из себя задрипанную аристократку, тоже мне, овца! Даже не улыбалась, чтобы морщин не было, морда застывшая. Уж кто аристократка, так это Алина. Манеры как у принцессы, вежливая, никогда не опаздывает, всегда выручит, если попросишь.

– Вы сказали, Снежана дружила с Тамарой...

– Ну да! Томка Голик – ее шестерка. Она ей в рот заглядывала, подражала во всем, а та ее всюду таскала, денег немерено...

– Что она за человек?

– Томка? Ну... Вынюхивает, доносит Регине, кто что сказал. Регина к нам вообще не пришей кобыле хвост, с нами Игорек работает, а Регина лезет, хозяйка типа. – Сандра понизила голос и оглянулась на дверь. – Они вдвоем доносили. Только это между нами. Мы при них ни о чем таком не говорим. Нос дерет перед Анютой: ты уборщица, вот и знай свое место. Заставляет кофе варить, корчит из себя. Анюта из-за нее не хотела участвовать в дефиле, но Игорек уговорил. Косит под девочку: веснушки, глазками хлопает, бровки под лоб закатит... Притвора! Как же она теперь без Снежаны? Лоханка!

– Лоханка?

– Ага! У нее пасть здоровенная – накололась и врет, что ничего не делала. Смотреть противно!

Федор подавил улыбку; Сандра поняла и сказала:

– У меня от природы!

– А Юлий Крещановский? Какие отношения у него со Снежаной?

– Ой, да какие там отношения! Он же из параллельного мира! Правда... – Сандра запнулась. – Однажды Снежана и Томка сперли у него наушники. Он все время слушает музыку, весь там, а они спрятали. Он чуть не плакал, говорит, страшно дорогие. Мой шарф порезали... не знаю кто. Кашемировый, красный. Любимый. Я вообще люблю шарфы.

– А вы?

– А я... – Сандра запнулась. – Я ее перчатки! Снежаны. Только вы никому – мне до сих пор стыдно, что я повелась на провокацию. Как увидела шарф, аж в глазах потемнело. А еще они высыпали на пол чай Алины – у нее какой-то особенный. Я зашла, а под ногами хрустит. Они, больше некому! Облили ей лаком сапоги... Да мало ли. Их бесит, что она не отвечает. Просто уходит. Знаете, как бесит, когда не отвечают? Она бы совсем ушла, но тут у нас и платят неплохо, и одеться можно, а в бутике не подступишься.

– Понятно. А что за человек Руслан Бродский?

– Нормальный парень, приветливый... приносит дорогие конфеты. Они с понтами: мол, нельзя, ах, диета, – а я люблю и ни в чем себе не отказываю. Схожу в фитнес и в сауну – все мигом слетает. Обмен веществ такой. Мне его жалко, не знает, с кем связался. Очень переживает! Помню, как увидел ее, лицо такое стало... не передать! Прямо серое! И губы белые. Бросился к ней, зовет, а Иван и Леша схватили его и оттащили. Леша ведет криминальные хроники, он все знает. Приказал никого не впускать, не выпускать и ничего не трогать. Хотел позвонить в полицию, но Регина закричала: сначала в «Скорую», а вдруг живая? Снежана говорила, что свадьба будет в «Английском клубе». Я была там однажды, знакомый пригласил... – Сандра потупилась. – Все такое шикарное, красота... не передать! До сих пор помню. Устрицы, белое вино, баранина. Люблю баранину. А пирожные! Правда, у нас ничего не получилось, он был женатый. – Она вздохнула. – А Руслан может себе позволить, он очень богатый, у него строительный бизнес. Рад до смерти, что обломилось такое чудо, влюблен как пацан. Подарил шикарное кольцо – белое золото, сапфиры и бриллианты, – она его не снимала, страшно хвасталась. Дорогущее! А Регина подарила ей свадебное платье, она была в нем на показе. Наш Костик снимал, можно посмотреть. Иван Денисенко – фотки, а Костик – кино. Шикарное,

расшитое стразами. Они с Русланом четыре месяца встречались. Между прочим, наша бухгалтерша Вера Васильевна говорит, он сначала встречался с Томкой, а уже она познакомила его со Снежаной... Ну не дура? Все знают: красивые подружки отбивают парней. А теперь врет, что они просто друзья и ничего такого. Ага, так мы ей и поверили. Отхватить такого парня, как Руслан, и просто друзья? Теперь кинется утешать, проявлять заботу... все такое. Игорек сказал, вы когда-то работали в полиции и у вас опыт. Колье-то пропало! И еще говорят, одна сережка. Вот вам и мотив! Хотя мотивов много, это же Снежана. Звезда серпентария! А у вас уже есть подозреваемый?

Федор невольно улыбнулся:

– Пока нет. В полиции работал... когда-то. – Он достал визитную карточку: – Сандра, здесь мой телефон. На всякий случай – вдруг что-то вспомните или услышите. Спасибо за беседу.

– Конечно! – Она схватила карточку. – Позвоню обязательно. Можно спросить... – Она вздернула бровку, уставилась в упор. – А вы женатый? Игорек говорит, что вроде нет, но точно не знает.

– Я не женат, – сказал Федор после паузы. – Спасибо, Сандра. – Он поднялся...

Глава 6. Подруга

*Вот идет состав товарный.
Слышен окрик матерный.
Женщины – народ коварный,
Но очаровательный...*

Н. Глазков. «Вот идет состав...»

Федор откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Он устал. Сандра – энергетический вампир, не иначе! У него появилась мысль перенести интервью с другими девушками на завтра, но тут дверь приоткрылась, и в щель просунулась голова Игорька:

– Федя, запускать следующую? Ты как? Живой?

– Кажется, живой.

Игорек ухмыльнулся:

– Сандра, она такая. Между прочим, Регина ее боится, я сказал, что она практикует вуду.

– Правда?

– Нет, конечно. Чтобы не цеплялась – она ее не жалует. Может, чайку с лимоном? Или чего покрепче?

– Кофе, большую кружку. Можно с лимоном. Запускай через двадцать минут.

Голова Игорька исчезла.

Следующей была подруга жертвы Тамара Голик. После беседы с Сандрой Федор составил себе ее портрет и ему было интересно, насколько он промахнулся. Дверь отворилась, и на пороге появилось... появилась высокая тоненькая девушка в черном свитере и джинсах. С прической ежиком. В руках у нее был поднос с кружкой и блюдец с печеньем. Она закрыла дверь ногой и сказала:

– Вам передали. Вот. Это кофе.

Федор вскочил, взял у нее поднос.

– Спасибо, Аня. Вы ведь Аня?

Она кивнула. Федор с улыбкой рассматривал девушку. Миловидное бледное личико – острый подбородок, голубые глаза. Он вспомнил «кино» с показа. У нее было выкрашенное розовой краской лицо, волосы тоже розовые. И уши! «Ухи как вертолет», – сказала Сандра. Она стояла перед ним, опустив глаза. Скулы вспыхнули красными точками.

– Вы знаете, кто я? – спросил Федор.

– Знаю. Профессор философии и частный детектив, Игорек сказал. Я видела вас в университете.

– Частный детектив – это громко сказано. Скорее любитель. Мы можем поговорить?

– Сейчас?

– Сейчас. Присядьте, Аня.

Она села и наконец посмотрела ему в глаза; попыталась улыбнуться, выдавила:

– Только... – и запнулась.

– Только?

– Только я ничего не видела, честное слово!

– Иногда человек и сам не знает, что видел, – назидательно произнес Федор, мысленно поморщившись – уж очень банально это прозвучало.

Она кивнула и отвела взгляд. Федор взял кружку обеими руками – его знобило. Кружка была горячей, он отдернул руки и пробормотал: «Черт!» Аня рассмеялась. Федор улыбнулся, вспомнив, как она и Юлиан, держась за руки, ковыляли в жутких туфлях-платформах, и сказал:

– Я видел запись, впечатляет! Особенно зебра и кенгуру. Это Игорек придумал?

Аня вспыхнула:

– Да! Он знает, какой выдумщик! Регина ничего не знала, она бы не разрешила, а он никому ничего не сказал, знали только мы с Юлькой. Даже девочки ничего не знали. Полная неожиданность... Я не хотела, но он просил, и я подумала, меня все равно никто не узнает. А они так хлопали! – Она приложила ладони к горящим щекам.

Федор смотрел на нее с улыбкой.

– Пейте, пока горячий. Игорек сказал, вы совсем больной.

– Да, спасибо. Аня, что вы думаете об... этом? Вы говорите с коллегами, обсуждаете в своей группе, вы знали Снежану... Что это было?

– В смысле, мотив? Все говорят, это из-за колье. Оно же пропало!

Девушка смотрела на него настороженным взглядом, и Федор подумал, что она похожа на зверька с большими глазами... суриката? Лемура? Что-то маленькое, пугливое, готовое бежать.

– Колье... да. Что она была за человек?

Аня опустила глаза, задумалась. Пауза затягивалась.

– Она была красивая, – сказала девушка наконец, и Федор насторожился – что-то было в ее голосе... – Когда она вышла на подиум в свадебном платье, все встали. Мы не общались, она меня не замечала. Я иногда варила кофе, и все. Больше ничего. – Она словно оправдывалась – почему? – Я не модель, убираю у них, это Игорек уговорил... все страшно удивились...

– Вам она нравилась?

– Не очень. Нет... наверное. Она была очень красивая...

– Нет или, наверное, нет?

Она пожала плечами:

– Нет.

– Почему? – Федор чувствовал себя вивисектором.

– Почему... Бывает по-всякому, кто-то нравится, кто-то не нравится... – Она не смотрела на Федора. – Понимаете, я не существовала для нее, даже если бы мы столкнулись где-нибудь, она бы меня не узнала. Ничтожно малая величина. А она... она могла все!

– В каком смысле?

– В прямом. Она была настолько выше... понимаете, никаких рамок! Делаю, что хочу!

– Она обижала вас?

Аня снова пожала плечами:

– Она всех обижала... даже ненамеренно. Она не понимала, что некоторые вещи делать нельзя, есть правила, границы... Не то чтобы обижала... для нее это было естественно. Не знаю, как сказать...

– Вы знали ее раньше? – спросил Федор.

Аня вспыхнула и помотала головой. В глаза ему она по-прежнему не смотрела...

...Тамара Голик, подруга жертвы. Молочно-белая кожа, широко расставленные зелено-вато-карие глаза, крупный рот. Похожа на «Продавщицу креветок» Хогарта. Несколько веснушек на переносице. Темно-каштановые с рыжкой волосы, собранные в хвостик на затылке. Ненакрашена. Он ожидал другого. «Шестерка, заглядывала в рот Снежане, познакомила своего парня... дура!»

Она поздоровалась, села. Взглянула вопросительно.

– Меня зовут Федор. Федор Алексеев. Я знаю вас заочно, видел запись с показа. Красивое шоу, – он улыбнулся. – Спасибо, что согласились поговорить.

Формулы вежливости, ритуал. Теперь ее очередь. Тамара кивнула и облизнула губы, промолчала. Федор словно почувствовал ее настороженность и неуверенность.

– Вы дружили со Снежаной...

– Игорек сказал, что вы – профессор философии, почему вы?... – перебила девушка; она не закончила фразы, но Федор понял: почему вы допрашиваете нас?

– Я когда-то работал оперативником, сейчас иногда консультирую. Остаюсь на орбите, так сказать.

– Консультируете с точки зрения философии? Какое отношение философия имеет к убийству?

Жестко, ничего не скажешь. Настороженность? Неуверенность? Скорее готовность к бою.

– А что такое философия, по-вашему? – спросил он.

– Субъективное восприятие мира и умение долго рассуждать ни о чем.

Федор рассмеялся – неглупа! Сказал после короткой паузы:

– В субъективном восприятии часто спрятано рациональное зерно, не находите? Зависит от опыта, образования, широты взглядов. Умение анализировать, обобщать, выводить частное из целого... Любое действие можно объяснить с точки зрения философии. В том числе убийство.

– Жесты и мимику вы тоже умеете читать?

– Это из другой области. Умею на уровне любителя.

– Вы считаете это наукой?

– Скажем так: кинесику *принято* считать наукой о языке тела. Считается, это не менее информативно, чем вербальное общение, и любой человек, достаточно наблюдательный, способен этот язык истолковать. Утверждение верно, но также верно и то, что люди очень разные, и я не уверен, есть ли общее для всех правило. Это зависит от характера, мотивации, выучки. Даже эмоциональности. У эмоциональных людей мимика живая, «играет», у замкнутых, наоборот, лицо неподвижно. Слышали выражение «покер фэйс»? – Тамара кивнула. – Игроки-виртуозы прекрасно считывают информацию по лицу, поэтому тренируют неподвижность и безмятежность. Например, считается, что, если человек врет или не уверен в себе, он трогает себя за нос. Каков диапазон – врет или не уверен в себе! Гнев, удивление, отвращение – все на лице, но только в том случае, если реакции спонтанны, человек захвачен врасплох и не успел подготовиться. А если успел, картина будет другая. Все мы актеры, правда? Особенно женщины. Взгляд может выдать многое, тут подготовиться сложнее – сокращение зрачка при определенной эмоции невозможно контролировать. Очень помогают черные очки... – Он улыбнулся. – Ну вот, я вам по привычке целую лекцию... – Он успокаивал ее интонацией, улыбкой, взглядом, словно говорил: «Не бойся, я не страшный, сними маску!»

Тамара тоже улыбнулась:

– То есть язык жестов не работает?

– Я больше полагаюсь на интонацию и взгляд. И на чутье, пожалуй.

– И никогда не ошибаетесь?

Федор развел руками и спросил:

– Что за человек была Снежана? Или Людмила? Как вы называли ее в быту?

Тамара отвела взгляд, задумалась.

– Знаете, я рада, что не видела ее... там. Девочки сказали, было много крови. – Она обхватила себя руками, поежилась. – Снежана... Я привыкла называть ее Снежаной. Она не любила свое имя, считала слишком простым. Она была самоуверенной, считала, что заслуживает и имеет право на подарки от судьбы, ей все доставалось легко. Мне трудно поверить, что это случилось именно с ней. Отец души в ней не чаял, отказу ни в чем не было. Мама рано умерла, отец – два года назад. Оставил ей дом, квартиру, деньги. Она смотрела на всех муж-

чин, как на отца – протягивала руку и требовала. Причем это выглядело так естественно, что никому бы и в голову не пришло отказать. Все признавали за ней право получать. То, что случилось, неправильно – с кем угодно, только не с ней. Она была успешной, знала, чего хочет, у нее не было врагов. Может, это случайность...

– Враги есть у всех, – заметил Федор.

– Нет! Ее превосходство принимали безоговорочно. Регина любила ее, подарила свадебное платье, Игорек восхищался. Иван Денисенко... наш фотограф все время повторял, что она его любимая модель. А этот журналист, Леша Добродеев, тот просто таял...

– Что же произошло, по-вашему? Ни врагов, ни соперниц, все любили...

– Пропало кольцо, страшно дорогое. Она его очень любила. Подарок Руслана. Я думаю, это ограбление. Народу было полно... выходили, заходили. Я ушла раньше, все уже расходились, но кто-то мог задержаться в коридоре и дожждаться... Не знаю. До сих пор не могу опомниться.

– Что за человек Руслан?

– Руслан? – Тамара снова задумалась. – Хороший человек, они собирались пожениться. Я давно его знаю, мы учились в одной школе, он старше на несколько лет. Я их познакомила четыре месяца назад. Ему сейчас трудно...

Как ни пытался Федор уловить горечь в ее словах, ему это не удалось. Она была бесстрастна, думала перед тем, как ответить, говорила скупой, произносила слова отдельно; речь ее была бесцветной, равно как и характеристики Снежане и Руслану; руки она держала сжатыми на коленях, в отличие от Сандры с ее размашистыми жестами и яркими словечками. Иногда она поднимала на него глаза, они сцеплялись взглядами на секунду-другую, на ее скулах вспыхивали красные точки, и она отводила взгляд. Девушка-загадка. Отсутствие мимики и жестов также несет информацию... Сдержанность от природы или намеренная? Он с разочарованием подумал, что, несмотря на его *подходы*, маску она так и не сняла...

– Вы были близки с подругой?

– Да, мы были близки. Снежана привела меня в Дом, мы познакомились случайно. Четыре года назад. Я тогда работала менеджером в «Белой сове». Я окончила наш экономический...

– Что такое менеджер?

– Это все. Планирование, организация, кухня, пиар... Мальчик для битья. Вернее, девочка. Я не умею отвечать за других, мне было... – она замаялась, – неудобно. Но ничего другого не нашла. Снежана уговорила меня уйти. Мне помогло то, что я десять лет занималась балльными танцами, не нужно учить...

– Понятно. У нее кто-то был до Руслана?

Тамара пожала плечами.

– Это не любопытство, я пытаюсь нащупать хоть какую-то зацепку. Вы сказали ни врагов, ни соперниц... Подумайте.

– У всех кто-то был. Снежана привлекала внимание, к ней приставали на улице, ее фотографии печатали в нашем журнале, десятки – в Инстаграме, сотни посланий, предложений познакомиться. Были, конечно, какие-то угрозы, можете сами почитать... Попытки зацепить побольнее, но это от зависти, женщины в основном. До Руслана она встречалась с Павлом Шереметом, автогонщиком... Здоровое грубое животное. Я удивлялась, как она с ним может, а она только смеялась.

– Где он сейчас?

– Был в Германии, но, по-моему, я его видела на дефиле. Был Слава Громов, врач. Потом хозяин сети кафе «Челентано», потом учитель английского нашего лицея, потом художник Володя Фоменко... Больше не помню.

– Отношения были серьезные?

– Нет. Она смеялась над ними, ждала принца. Слава Громов был жадный, хозяин кафе – старый и с пузом, учитель – нудный, художник – нищий... А Руслан был принцем.

– Кто знал о свадьбе?

Тамара снова пожала плечами:

– Все. Город небольшой. Но... – Она запнулась.

– Но?..

– Я думаю, свадьба не состоялась бы.

– Почему?

– Снежана собиралась уехать за границу. Тут у нас трется представитель фешен-агентства, представляет девушек известным европейским домам моды. Бывший наш человек, зовут Ленья... Леон Маркин. Знаете, в этой области много жулья, но этот приезжает регулярно, мы его знаем. Четыре года назад он вывез в большой свет Сашу Гросс, она работала у Рощенко. Теперь делает карьеру в Париже, каждый год приезжает на каникулы. Городская легенда. Я знаю, что они встречались, Снежана и Маркин, я их видела осенью в «Песне кукушки»... это кафе, около театра. Спросила у нее потом, и она сказала, что Леон предлагает уехать с ним, но она еще не решила. Сейчас он снова тут, был на показе. Регина что-то подозревает, подарила ей свадебное платье, чтобы удержать, боялась, что Снежана уедет. Платье из новой коллекции, очень дорогое.

– Руслан знал?

– Нет, к счастью, а то попал бы в подозреваемые.

– Думаете, он способен? – Дурацкий вопрос, если подумать, но Федору хотелось увидеть ее реакцию.

Она пожала плечами и промолчала.

– А что же свадьба?

– Я спросила про свадьбу, а она только рассмеялась. Пошутила про синицу в руках и журавля в небе. Руслан несовременный, очень домашний, хочет семью... – В голосе прозвучали ностальгические нотки... так показалось Федору. – Он уже был женат, но неудачно. Снежана не хотела детей. Да она и замуж-то не сильно рвалась, свадьба – его инициатива, Снежана... как это говорится? Один любит, другой позволяет себя любить... так, кажется? Снежана позволяла себя любить. Руслан – собственник, ревновал ее, звонил по сто раз на дню. Она иногда выключала айфон, чтобы подразнить его. Она была... – Тамара запнулась. – Не хотела себя связывать, говорила: главное – свобода. Тем более Руслан немного, как бы это сказать... старомодный и лидер. Старший в доме, типичный домострой. Снежана не стала бы подчиняться.

– Понятно. Скажите, Тамара, как складывались отношения Снежаны и других девушек?

– Нажаловались? – Тамара усмехнулась. – По-всякому. Мы – одна семья только в воображении Регины. Она мамка, а мы – неразумные дети. Сандра вульгарна и криклива, Снежана ее терпеть не могла. Алина... никакая, вечно пьет свои чаи, запах неприятный. Снежана начала кашлять, злилась. Попросила прекратить, Алина даже не ответила. В этом показе Игорек выпустил нашу уборщицу Анюту... – Тамара усмехнулась. – Она безобидная, какая-то перепуганная. Снежана требовала, чтобы она мыла руки, а она с нее взгляда не сводила... как зверек, смотрит и смотрит. Юлиан... Юлька всегда отсутствует, двигается как во сне, в ушах затычки. Столкнись я с ним где-нибудь на улице, не узнает. Подколки, насмешки, мелкие пакости... Ничего сверх того. Это не мотив для убийства. И вообще... если вам нужны факты, это не ко мне. Меня тогда не было. Да и что я знаю? Ничего. Так, в общем.

– Факты не помешают, но меня больше интересует атмосфера. То, что носится в воздухе и дает толчок воображению.

– Флюиды? Ну да, вы же философ. – Она снова усмехнулась, и Федор подумал, что смерть подруги не стала для нее потрясением, хотя... скорбь все выражают по-разному и ее улыбку не

назовешь радостной. Но чувствуется, что она расслабилась, исчезла настороженность. Почти исчезла.

– Флюиды. Скажите, Тамара, вы же обсуждаете между собой убийство...

– Вас интересует, что *они* говорят?

Вопрос прозвучал резко. Она выделила интонацией «они», и это о многом сказалось Федору. Отношения между девушками далеко не дружественные, она не пытается скрыть это и сделать вид, что все нормально: особой дружбы нет, отношения в пределах дипломатии. С чужим человеком о сваргах в коллективе говорят, как правило, неохотно. Болтливая Сандра вывалила из общих шкафов все скелеты, Тамара по сути сделала то же самое, но изящнее. Соперницы! Соперницы? А что им делить? «У каждой своя ниша и свой типаж», – сказал Игорек. Снежана – аристократка с налетом стервозности, Сандра – добродушная смешливая хабалка, Алина – вещь в себе, Будда. Тамара – простушка, продавщица креветок, вечно на вторых ролях...

Не пляшет! Диссонанс налицо. Она умна, образованна, честолюбива, жесткость чувствуется... и на вторых ролях? Обязана подруге – возможно, Снежана давала ей это почувствовать... Стоп, остановись, философ! Эта дорога никуда не ведет. Досада, зависть, ревность – это... флюиды, а где факты?

– Да, – сказал Федор. – Меня интересует все. Вы же обсуждаете это между собой.

– Обсуждаем. О чем еще говорить... В примерную мог зайти кто угодно, тот, кто уже бывал у нас. Или работник, или знакомый. Да и чужак мог ошибиться дверью. В той стороне туалеты. Мотив? Возможно, кольцо. Оно же пропало, так? К сожалению, в коридоре нет камер, только в зале и в вестибюле. Убийца может быть как женщиной, так и мужчиной. Она сидела перед зеркалом, он подошел сзади. Или подошла... – Девушка поежилась. – Говорят много, – сказала после паузы, – но всё домыслы и фантазии, свидетелей-то нет. И в городе всякое болтают, Снежану многие знали. Возможно, в полиции уже что-то известно... – Она давала понять, что сказать ей больше нечего.

Он проводил ее до двери, попросил звонить... если что. Она молча кивнула. Федор вернулся за стол, сел, закрыл глаза. Ему было плохо, бил озноб – видимо, поднялась температура. И росло раздражающее чувство неудовлетворенности, как будто упустил что-то важное. Он чувствовал, что устал. Оставалась еще одна девушка: Алина Ким. Он с силой провел ладонями по лицу, допил остывший кофе и закрыл глаза, чутко прислушиваясь к шагам за дверью. Но там было тихо, девушка опаздывала. Прошло пять минут, десять... Дверь распахнулась, и вошел Игорек.

– Где она? – спросил Федор.

– Алина не придет, – сказал Игорек. – Позвонила, извинилась: лежит с температурой. Придется отложить. Ты как?

Федор пожал плечами...

Глава 7. Что это было?

*Посети меня
В одиночестве моем!
Первый лист упал...*

Мацуо Басё. «Другу»

Тренькнул дверной звонок, и Савелий бросился в прихожую. Капитан Коля Астахов переступил порог и громко спросил:

– Жив?

– Тише, не кричи! – замахал руками Савелий. – По-моему, он уснул. Температура тридцать восемь. Я хотел «Скорую», он ни в какую.

Был Савелий наряжен в клетчатый фартук, лицо имел озабоченное и скорбное.

Капитан сунул Савелию торбу и спросил:

– Думаешь, серьезно? Он же бегает по утрам! Вся эта ваша закалка – фигня, я всегда говорил. Я тут взял на свое усмотрение апельсины, мясо, какие-то салаты. Ирка передала овсяное печенье. И принять.

– Что принять? – не понял Савелий.

– То, – ответил капитан, пристраивая на вешалку куртку. – Можно на него посмотреть?

– Только осторожно, не разбуди. – Савелий заглянул в торбу и ахнул:

– Водка! Ему нельзя!

– Лучшее лекарство от насморка, – сказал капитан Астахов и прошел в комнату. Савелий с озабоченным лицом поспешил следом.

...Савелий Зотов, главный редактор отдела дамской литературы местного издательства «Арт-нуво», человек тонкий, трепетный и полный эмпатии ко всему миру. Старинный друг Федора Алексеева и капитана Астахова. Красивым его не назовешь, но человек он очень хороший. Семьянин и отец двоих славных детишек – Насти и Германа. В данный момент Савелий в фартуке, с красным от жара лицом, с пегими прядками, упавшими на лоб, занят разогреванием куриного бульона и котлет для Федора. Бульон и котлеты передала жена Савелия Зося.

Они стояли у дивана и рассматривали спящего Федора.

– Бледный какой-то. Думаешь, выживет? – спросил грубый капитан Астахов, чтобы подразнить Савелия.

– Господи, о чем ты! – вскричал тот, всплескивая руками. – Конечно, выживет!

– Я все слышу, – Федор открыл глаза. – Коля, что по убийству?

Савелий испуганно уставился на капитана, тот пожал плечами:

– Бредит, наверное.

Федор сел, подложил под себя подушку и сказал:

– Раз уж все тут, предлагаю сесть за стол и обсудить текущий момент. Савелий, командуй.

Савелий потрогал тыльной стороной ладони лоб Федора, сказал озабоченно:

– По-моему, спала. Коля, придвинь стол, ему нельзя вставать. Я сейчас! – Он побежал на кухню.

– Савелий сказал, что ты помираешь, – сказал Коля, когда тот вышел. – А вот не хрен бегать голяком под дождем, я всегда говорю. И жрать сырую свеклу. Задолбали своим здоровым образом жизни!

– Это вирус. Что-то раскопали?

– Раскопали, как же! Убийца гуляет на свободе, как говорится. Терпеть не могу бабские коллективы! Истерики, визги, бредятина и ничего конкретного. Твоя Регина, этот прибацанный негр... Ирка тоже под руку суется со своим... *кутьюрье*! – Последнее слово прозвучало как ругательство.

Ирочка – гражданская жена капитана Астахова, девушка небольшого росточка с прекрасным характером – ей все пофиг. Они хорошая пара, так как капитан склонен к пессимизму, полон дурных предчувствий и любит поназидать, а Ирочка, наоборот, скачет по жизни кузнечиком и пропускает все мимо ушей. Работает она у кутюрье Рощенко с «тонкой кишкой», по выражению Игорька, вечного соперника Дома «Икеара-Регия». Не моделью, как читатель мог бы подумать, а старшим, куда пошлют: варит кофе, помогает швее, отвечает за готовую продукцию; иногда ее даже выпускают на подиум... ну там, когда модель сломает ногу или заболевает. «Эх, Ирка, тебе бы росточку малеха добавить, цены бы тебе не было», – любит повторять Рощик.

Город после убийства девушки из Дома Регины захлестнула волна сплетен и домыслов, и вся команда Рощенко принимает в этом посильное участие. А как же! Ирочка стала героиней дня, так как знает обо всем из первоисточника. Она же доносит до Коли версии убийства «от Рощика», за что Коля обозвал ее мембраной. Ирочка не совсем представляет, что такое «мембрана», но чувствует себя польщенной, решив, что это что-то вроде «тайного агента».

– Какой убийца гуляет на свободе? – спросил Савелий.

Капитан, не ответив, достал из буфета стаканы, открыл бутылку.

– Коля, ему нельзя! – бросился Савелий. – Я же просил!

– Будешь? – Капитан повернулся к Федору. – От вируса. Савелий, ты тоже! У тебя семья, ты у нас в группе риска.

Он разлил. Они выпили: Коля одним махом, Федор в несколько глотков, Савелий, страшно сморщившись, отпил чуть и отставил стакан.

– Котлеты! – обрадовался Коля, нацеливаясь вилкой. – Зося? – Савелий кивнул. – А моя Ирка только пельмени и яичницу, да и то... Повезло тебе, Савелий. Наш философ небось локти кусает. Кусаеть?

– Кусая, – согласился Федор. – Как подумаю...

– Да ладно вам, ребята, – смутился тот.

– Я тебя простил, Савелий. Зося сделала правильный выбор, подумай сам, какой из меня муж?

В их кругу бытовала легенда о том, что Савелий отбил Зося у Федора. Да, да, Савелий, с его сомнительной внешностью, у красавчика Федора Алексева. Капитан издевается над обоими, Федор делает вид, что до сих пор переживает, Савелий чувствует себя виноватым и оправдывается.

– Ну что ты, Федя! – заволновался Савелий. – Ты прекрасный муж... в смысле, если когда-нибудь... Честное слово! Ты умный, тебя все любят, студенты и коллеги, ты хороший товарищ! Книгу пишешь...

– Особенно коллеги, – фыркнул Коля. – Бабье так и бросается. Вот скажи мне, Савелий, как ему удастся пропетлять? Засады и подставы на каждом шагу, рвут на части, зов природы, опять-таки, а он до сих пор на свободе! Твоя Зося подружек подсовывает, моя Ирка своих безмозглых тащит, а он между капельками, между капельками! – Коля сделал извилистый жест рукой. – Из таких, как философ, получаются классные аферюги. Со своей честной физией ябеды-отличника он запросто обнесет любой банк.

Савелий укоризненно покачал головой – подобных разговоров он не одобрял.

– Что по убийству? – спросил Федор.

– Какому убийству? – спросил Савелий. – У нас произошло убийство?

– Савелий, ты прямо как из космоса. Произошло. В ателье... как его? – Коля пощелкал пальцами.

– В Доме моды «Икеара-Регия», – подсказал Федор. – Твоя Зося у них работала когда-то. Убили одну из девушек, во время приема. Народ уже расхотелся, никто ничего не заметил.

– Какой ужас! Убийцу нашли?

– Работаем, Савелий. Философ вот подключился, ты на месте. Теперь точно поймем.

– Федя больной! – заволновался Савелий. – Ему лежать надо! А за что ее убили? Какой мотив?

Капитан вздохнул и потянулся за бутылкой:

– Мотив... До черта, выбирай любой! – Он разлил водку, поднял стакан: – За женщин!

– А почему... – начал было Савелий, но Федор перебил: – Мотив пока неясен. У нее было очень дорогое кольцо, оно пропало. Подарок жениха.

– Жениха? У нее был жених?

– У всех девушек есть жених, – сказал Коля. – Что тебя так удивляет, Савелий? Колье подарил жених, любовь до гроба, свадьба через месяц. Вот оно и пропало. И сережка, одна – убийца выдернул ее и поцарапал ухо. Вторая осталась, не успел, видимо. Там шлелись и свои, и чужие, одних билетов было продано больше сотни, да еще блатных полно. Дефиле называется. Потом прием: халявное шампанское и крекеры. Нашла жертву подружка, подняла крик. Вызвали «Скорую», те – нас. Вид, доложу вам... Савелий, закрой уши!

– А... как ее? – спросил тот.

– Ее удавили шнурком или узким шарфом, пока неясно. Разбили лицо... уже мертвой. Ударили об стол, причем несколько раз. Всюду кровь, на свидетелях тоже, затоптали все к черту! Руководил ваш кореш из «Лошади», Лешка Добродеев, криминалист гребаный! Говорит, держал и не пускал, процедуру, мол, знаю. Кровь на женихе – он схватил ее, на дизай-нере... Тот вообще плохой был, сидел на полу, глазки закатил. Даже на Регине!

Савелий издал сдавленный звук и сказал после паузы:

– Зачем?

– В смысле? – не понял капитан.

– Зачем ударили? Может, это не он?

– А кто?

– Савелий имеет в виду, убил один, а ударил другой, – сказал Федор. – Чувствуется сильный личностный мотив. Савелий!

Савелий кивнул. Он хороший человек и прекрасный редактор, но излагает мысли путано, и постороннему человеку не всегда ясно, что он имеет в виду. Его нужно толковать – Федор, поднагловший в объяснении словес Савелия, называет его Дельфийским оракулом.

– Личностный мотив! – фыркнул капитан. – Куда ж нам без личностного мотива! И убийство по личностному мотиву, и кольцо сперли, и лицо разбили... Жертва была та еще оторва. Могла сесть в незнакомую машину, уйти из ресторана с чужим мужиком... Полно брошенных хахалей, ревнивых баб, угрозы в соцсетях и по телефону, пару раз кто-то ломился в квартиру, пришлось вызывать полицию. Трое бывших засветились на показе. К сожалению, ушли раньше – охранник запомнил. Ресторатор «Челентано» с пузом и врач-дерматолог из третьей поликлиники, бледная немочь, все руки потирал – нервный тик! Или экзема. «Челентано» был с подружкой, а доктор – с супругой. Да, встречались, делали подарки, врач даже хотел жениться. Сделал предложение, а она рассмеялась ему в лицо и сказала, что только под наркозом. До сих пор мужик обижается, хотя успел жениться. Вот такой расклад. – Савелий открыл рот, но капитан опередил его: – Убийца не он, Савелий, кишка тонка. Ресторатор тоже был непрочь: девушка, говорит, огонь, но, к сожалению, женат, а она хотела замуж. Так ему показалось. Еще одного бывшего, Егора Шеремета, гонщика, пока не разыскали, по адресу его нет. Он на записи, ты должен был его видеть – здоровый лось в черном костюме, морда зверская. Короче, жертва

ходила по лезвию. Нарывалась. Семьи нет, красивая, избалованная... Прима-балерина этой самой «Икеары». Так что непонятно, то ли грабеж, то ли месть. Да и свои, уверен, ее терпеть не могли, характерец у жертвы был тот еще, могла запросто обидеть, а то и рукам волю давала...

– Дралась?

– До рукоприкладства вроде не доходило. Могла шарф изрезать, испортить обувь, рассыпать чай.

– Не факт, что она, – сказал Федор. – Ее звали Снежана Рубович, Савелий. На самом деле она Людмила. Очень красивая девушка...

– Не факт, – согласился капитан. – Для общей картины. Из семьи осталась одна сестра, живет в Загребе, выехала почти десять лет назад. Пока нашли, сообщили... Прилетает завтра. Между прочим, удавить могла и женщина.

– Бедная сестра, – вздохнул Савелий. – Не верю, что женщина! А жениху не позавидуешь.

– Вот тут я с тобой согласен – ни невесты, ни бриллиантов, – сказал капитан. – Насчет женщины не согласен, всякие бывают. Для такого дела много сил не надо.

– Ее подруга Тамара Голик сказала, что до свадьбы вряд ли дошло бы, так как Снежана собиралась в Париж, – сказал Федор. – Жених ничего не знал. Между прочим, она их познакомила – знает жениха много лет...

– Может, он узнал? Подруга могла сказать...

– Могла, Савелий, еще как могла! – фыркнул Коля. – Подруги они такие, тем более жертва отбила у нее парня. Эта Тамара Голик – крученая особа, полный контроль: ни да, ни нет, все хорошо, никаких проблем. Ушла до убийства, по ее словам. Проверить трудно. Камеры есть, но та, что на выходе, накрылась в девять вечера, так что сам понимаешь. Между прочим, мне она не сказала, что встречалась с женихом, а философу – нате вам, пожалуйста! Спела, как по нотам. Чем не мотив? Другая моделька, Сандра Сахно, та, что нашла жертву и подняла крик, ее терпеть не могла и вывалила все как на духу. Крику и болтовни навалом, смысла чуть. Два года назад в фитнес-клубе «Арес» была история с пропажей денег, подозревали Сандру – она работала у них тренером. Деньги нашлись, но осадочек остался. Между прочим, притащила с собой друга, Геннадия Смолика, охранника из «Английского клуба». На дармовую выпивку, видать.

– Я его знаю, – заметил Федор. – Заметная личность.

– Его все знают. Алина Ким, еще одна, из Казахстана. Ушла рано, что опять-таки недоказуемо. Из тех, кто всегда в тени. Встретился с ней, поговорили. Говорит мало, смотрит в сторону. Спросил насчет рассыпанного чая... какой-то там у нее страшно ценный, думал, заведется. Так она знаете, что сказала? – Коля посмотрел поочередно на Федора и Савелия. – Не помню такого, говорит, возможно, я сама уронила. Во характерец! Ничего не выдавишь. Хорошенькая, как кукла. Еще парень у них, Юлиан Крещановский, вообще ни хрена не понимает, по три раза пришлось повторять, морда дурная. Следующий кадр – уборщица с ушами, Анна Кулик, – какая-то перепуганная... Хозяйка, Регина, Федькина подруга, закатила истерику, была подшофе. Негр позеленел, руки трясутся – боится крови. Какой-то прямо этот... паноптикум! Да еще и Рошик Иркин под ногами болтался, лез со всякой фигней. Посмотрел запись этой моды... Мама дорогая! Кто эти шмотки наденет? Да еще и голова лошади!

– Голова лошади? – с недоумением спросил Савелий. – Живая?

– Живая? О чем ты, Савелий? Они наперли на себя картонные головы зебры и кенгуру, моду изображали. Ирка говорит: я ни хрена не понимаю и это капец как круто. Ладно, говорю, натяну на тебя голову лошади, будешь крутая. Поржем вместе.

Раздосадованный Коля снова потянулся за бутылкой и выпил один. Савелий отказался – он пьет, исключительно чтобы поддержать компанию, так как человек мягкий и не может отказать. Первую дозу он принял: приличия соблюдены. Федор лишь пригубил, спросил:

– Что за человек жених? Руслан Бродский, кажется?

– Он самый. Архитектор, успешный строительный бизнес. Не знает, не подозревает, врагов не было, все ее любили. Чертово кольцо! Лучше бы не дарил, – сам виноват, а теперь сопли и слезы.

– Он тебе не понравился? – спросил Савелий.

Коля пожал плечами:

– Нормальный вроде. Переживает. Оказывается, они были созданы друг для друга. Снежана святая, чистая, ангел во плоти, любовь до гроба... О том, что собиралась свалить в Париж, он не знал. Дураят они нас на каждом шагу и ни хрена не докажешь.

– Надо бы поискать по ломбардам, – сказал Федор.

– Не дураки, ищем.

– Что сестра?

– Сестру зовут Ольга Рубович, работает в какой-то торговой фирме в Загребе, последний раз приезжала на похороны отца два года назад. Сообщили, прибывает завтра. Это все.

– Неужели ничего? – спросил Савелий. – Ни одной зацепки? Помню, в одном романе описано убийство актрисы – ее застрелили, а на самом деле это она попросила, потому что у нее был рак.

Коля и Федор переглянулись.

– Ну и?.. – спросил Коля. – Каким боком?

– Не все так, как выглядит... – Савелий беспомощно умолк.

Коля посмотрел на Федора, и тот сказал:

– Самая сильная версия на данный момент – ограбление, так? – У него было чувство человека, продирающегося через тернии. Савелий кивнул. – Но на самом деле ограбление и убийство, возможно, не связаны... да? – Савелий снова кивнул. – То есть ограбил грабитель, а убил...

– Убийца! – Коля хлопнул по столу ладонью. – Конечно! Убил убийца! Прямо глаза открылись. Оказывается, их было двое и на стреме стояли по очереди. Такое у вас внутреннее чувство и видение. Опять мутная философия?

Коля испытывал досаду – он терпеть не мог богемную братию с их истериками, розовыми соплями, поцелуйчиками и сплетнями. Угроздило же его... встрять. Не его компания, хватит с него одного Рошика. В том, что сказал Савелий, было рациональное зерно, но Коля не хотел этого признавать, опять-таки из-за досады и духа противоречия.

– А что Геннадий Смолик? – спросил Федор.

– Ушел за машиной около десяти, были свидетели. Машину оставил на стоянке за несколько кварталов, есть квитанция. Подал к подъезду и стал ждать Сандру, даже задремал, а потом увидел, что приехала «Скорая» и *менты*. Скотина! Открытым текстом: менты, говорит, приехали. Сунулся в Дом, а его не пустили.

Обсудили, кажется, все. Федор спросил про детишек, и Савелий с радостью доложил, что Настенька – отличница, а Герман на утреннике вцепился в медведя и не хотел отпускать. В смысле в артиста, который изображал медведя; еле оторвали. Капитан Астахов зевнул и демонстративно посмотрел на часы...

...Прощаясь, Савелий наказал Федору немедленно лечь спать, предварительно напившись чаю с малиной, приняв таблетку и заперев дверь на все замки, а то мало ли. Еще не открывать форточку или балконную дверь, потому что это чревато осложнениями и вообще. Малиновое варенье в шкафчике на верхней полке, Зося сама варила, у нее свой рецепт с лимонной корочкой и еще...

Капитан, которому вся эта лирика надоела, сгреб Савелия в охапку и вытолкнул за дверь. Они ушли, и Федор остался один. Следуя наказам Савелия, сделал чай с лимоном и добавил ложку малинового варенья; потянул носом, но ничего не почувствовал – обоняние отшибло начисто. Закутавшись в плед, он сидел на диване и пил чай. Хотелось спать, голова была тяже-

лой, по спине стекали теплые струйки. Температура никак? У него никогда не бывает температуры! Какой-то новый вирус... вот угораздило!

Он задремал, и ему стал сниться сон: танцующая зебра. Зебра цокала копытцами и прыдала головой с плюмажем. Досмотреть танец не удалось, так как подал голос его айфон. К удивлению Федора, звонил капитан Астахов.

– Ты как? – спросил капитан, как будто они давно не виделись.

– Живой, – сказал Федор. – Пью чай с малиной. Что-то случилось? Где Савелий?

– Дома. Не хотел при нем, а то сразу крики... Мы вышли на Леона Маркина, помнишь такого? Сутенер! Проживает в «Градецкой». Хочешь со мной?

– Хочу. Он еще здесь? Не улетел в Париж?

– Не улетел. Завтра в десять сможешь? У него французский паспорт, надо деликатно, а у меня на богему аллергия.

– Понимаю. Буду ждать.

К удивлению Федора, головная боль утихла, озноб прекратился, и сна не было ни в одном глазу. Неужели малина животворящая?

...Он в который уже раз «крутил кино», пытаясь рассмотреть выражения лиц и взглядов присутствующих, соотнося их с тем, что слышал от Тамары Голик и Сандры Сахно. Снежана... Снежная королева. Хороша! Капризна, своенравна, высокомерна, способна унижить и оскорбить; отбила жениха у лучшей подруги...

Не факт. Тамара сказала, что они не встречались. Тоже не факт, а что ей остается говорить? Снежана и Руслан, пьют шампанское. Снежана в белом, жених счастлив. Синие камешки. Красивая пара – ни убрать, ни добавить.

Иван Денисенко с неизменной камерой прыгает вокруг. Тут же Леша Добродеев, самое бессовестное перо местной журналистики – физиономия красная сияющая, галстук-бабочка сбился набок, в поднятой руке бокал. Надо бы поговорить, может, заметил что-нибудь – глаз у журналиста, как у орла, недаром ведет криминальные хроники. Правда, привирает изрядно.

Сандра Сахно... странное сочетание. Живая, пританцовывает, рот до ушей. Снежану не любила. Смотрит на нее с ухмылкой, будто знает что-то... Не улыбается. Стерта улыбка, присутствует ухмылка... недобрая. Остановись, философ, не надо фантазий! Просто смотрит... может, завидует. Все мы люди. Была замешана в деле о краже... то ли да, то ли нет.

Алина Ким в темно-красном кимоно, в руке стакан с прозрачной жидкостью... вряд ли водка! Вода. Лицо непроницаемо, взгляд в пространство. На Снежану не смотрит. Игнорирует? Намеренно или вообще ни на кого не смотрит? Азиатская невозмутимость и отрешенность... Федор вздохнул, вспомнив Саиду, они даже похожи. Саида тоже из Казахстана. Женщина, которая прошла мимо...⁴

А вот и «у́хи»! Сандра сказала: Аня-вертолет. Анна Кулик, уборщица, студентка и новая модель. Та, что в маске зебры и на котурнах, с трогательными ушами. Ковыляли на пару с Юлием, который в маске жирафа. Точнее, в голове жирафа. А еще точнее, на обоих были надеты головы жирафа и зебры. Уф! Есть понятия, которые трудно облечь в слова, особенно если у тебя температура. Смотрит на Снежану в упор, лицо напряженное, рот приоткрыт. Симпатией и не пахнет. Тем более восторгом. Снежана ее шпыняла. Коля сказал – эта, с ушами, какая-то пришибленная... Боялась Снежану? Ожидала от нее окрика и оскорбления? Неглупая девочка, студентка до такой степени боялась?

Тощий Юлиан Крещановский мелькнул и исчез. Человек в себе, все пофиг. Капитан сказал: ничего не знает, ничего не помнит...

---

⁴ Подробнее читайте об этом в романах Инны Бачинской «Лучшие уходят первыми», «Отражение бабочки» и «Девушка сбитого летчика».

Тамара Голик, подруга. Смотрит пристально. На кого? На жениха Руслана. Выражение лица... Слишком серьезна для приема, даже нахмурена. И ушла раньше. Завидует? Не может простить? Притворяется подругой? А на самом деле соперница? Сказала: многим обязана Снежане. Следит за лицом и взглядом, держится настороже – недаром спросила, как он, Федор, относится к языку мимики и жестов. Что же она чувствует? Что скрывает? Зависть, это понятно. Ненависть? Скоро свадьба... Тамара сказала, что свадьба не состоялась бы... Почему? Ей хотелось так думать? А вот это обсудим завтра с Леоном Маркиным. Спросить о нем Игорька – он должен что-то знать. А вот и он! Тонкий, гибкий, с бородкой. Поднял бокал, смотрит на Снежану, улыбается. Или ухмыляется?

Регина! Преданная поклонница Федора с тех самых пор, как он расследовал убийство тележурналистки. Громогласная, хабалистая, нахальная. Пьющая. В состоянии перманентной драки с Игорьком, но выпивают на пару. Смотрит на Снежану с восхищением, что-то кричит, поднимая бокал. Который по счету, интересно. Говорит тост, видимо, желает счастья и долгих лет жизни...

Несколько знакомых лиц: жена мэра, администратор их университета с супругой, бывшая мисс города, художник Виталий Щанский с новой подругой, режиссер молодежного театра Виталий Вербицкий с косой-блонд до лопаток, в смокинге – не иначе реквизит, в гордом одиночестве. Еще пара-тройка неизвестных мужчин... а эти что здесь делают? Заезжие дизайнеры на охоте за идеями? Непохоже. Один – высокий, крупный, мрачный, с квадратной челюстью; второй – небольшой лысоватый с бегающим взглядом, фланирующий взад-вперед по залу; третий – непрерывно жующий и пьющий, торчащий у стола и у бара. Еще один – с мальчишеской физиономией, во фраке и бабочке, то здесь, то там, похоже, всех знает – свой человек. Кто таков? Почему они бросились в глаза? Без пары, не похожи на типов из мира моды, лавируют, вырастают из-за спины. Надо бы спросить у Игорька, кто такие. Тот, что с квадратной челюстью, подпирает стену, сложив руки на груди, не пытаясь сделать вид, что ему интересно, без стакана и тарелочки... Смотрит... куда? Непонятно. Куда-то.

А это кто? Знакомая личность! Толстый важный с длинными патлами и лысиной... Никак Рома Пригудов по прозвищу Прыщ, владелец арт-студии «Декорум»? Жив, курилка! С девушкой. На жену Аню непохожа, новая никак? Федор улыбнулся невольно, вспомнил, как Рома однажды предложил ему выступить конферансье в конкурсе на мисс города. Леон Маркин местного разлива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.